

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Полуюблю
до гроба

ЭКСМО

Частный сыщик Василий Куликов

Наталья Александрова

Полюблю до гроба

«Автор»

2011

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Полюблю до гроба / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2011 — (Частный сыщик Василий Куликов)

ISBN 978-5-699-47701-2

И почему женщины завидуют богатеньким домохозяйкам? В золотой клетке все по расписанию: дом – шопинг – салон – дом. Вот скучища! Причем муж круглосуточно пропадает на работе. Остается одно: дружеское общение... Супруга бизнесмена Наталья Балабанова просто посидела в кафе с хорошим знакомым – Игорем Лапиным. Все пристойно и невинно! И надо такому случиться – забыла в его машине золотые часики, а тот уехал в командировку. О боже! Что сказать мужу о пропаже? А о чем подумает жена Игоря? Наталье ничего не остается, как обратиться в детективное агентство. Помощница детектива Василиса обнаруживает за задним сиденьем злополучного автомобиля бездыханное тело Игоря. А дальше... она приходит в себя на берегу реки в машине, которую сейчас сбросят в воду!!! Книга также выходила под названием «Фитнес для резвой акулы».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-47701-2

© Александрова Н. Н., 2011
© Автор, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	36
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Полюблю до гроба

Василий Макарович раздвинул кусты сирени и увидел перед собой покосившийся, невзрачный деревенский дом. Собственно, это был даже и не деревенский дом, а заброшенная пригородная дача, на которой когда-то проводила лето семья преуспевающего инженера или зубного врача. Инженеровы детки играли в песочнице или садировали соседского кота, инженерова теща варила вишневое варенье и препиралась с соседкой из-за спорного куста смородины, сам инженер дремал в гамаке, закрыв лицо газетой, – в общем, здесь протекала обычная счастливая семейная жизнь.

Впрочем, все это осталось в прошлом, и сейчас вряд ли получилось бы установить, какого цвета был этот дом – то ли веселенького голубого, то ли благонадежно зеленого. Одно из окон закрылось от мира фанерой, другое от пыли и копоти совершенно утратило прозрачность и глядело на Василия Макаровича заплывшим глазом. Крыльцо прогнило, одна из его досок была проломлена.

Но именно здесь, на этой заброшенной даче, по достоверным сведениям, скрывался матерый рецидивист Полукопченный, за которым вся городская милиция безуспешно гонялась долгие годы. И теперь только от Василия Макаровича зависело, арестуют ли Полукопченного и предадут ли справедливому суду, или он продолжит успешно скрываться от органов защиты правопорядка.

Василий Макарович немного отступил в кусты, чтобы из дома его нельзя было заметить, и приготовился к долгому, утомительному ожиданию.

Ему было не привыкать – такое ожидание являлось значительной и неременной частью его работы.

Одно только его смущало и настораживало: из полуразрушенного дома доносилась музыка. Причем не какая-нибудь жизнерадостная советская песня, и даже не современная эстрада, к которой Василий Макарович относился со сдержанным неодобрением, – нет, из дома неслись мрачные и величественные звуки классической музыки, мощные выдохи духовых и истерические рыдания скрипок.

К классической музыке Василий Макарович относился с двойственным чувством. С одной стороны, еще с пионерского детства ему внушили к ней настороженное уважение, как к чему-то не вполне понятному, довольно бесполезному, но солидному и значительному, как, скажем, Антарктика или Гималаи. С другой же стороны – слушал он ее чрезвычайно редко и испытывал при этом только одно, но крайне неприятное ощущение: у него от этой музыки болели зубы. Причем больше всего – нижняя правая пятерка, которую Василий Макарович давно удалил и на месте которой у него стоял бюгель.

И еще – классическая музыка вгоняла его в сон.

Это как раз вполне понятно и объяснимо, но все равно неприятно и неудобно. Самое же обидное – что даже во сне проклятый зуб не переставал болеть.

Правда, сейчас он почему-то не болел, что не могло не удивлять и не настораживать Василия Макаровича.

Но самым странным и настораживающим в этой музыке было то, что она доносилась из этого дома. И Василий Макарович мог поклясться, что это не радиопередача и не магнитофонная запись, а самое настоящее живое исполнение. Как в такой развалюхе мог поместиться симфонический оркестр?

Мучаясь над этой неразрешимой загадкой, Василий Макарович тем не менее не сводил глаз с двери и окон дома: возможно, Полукопченный специально отвлекает его загадочной музы-

кой, дабы улизнуть, так сказать, под шумок. Или же он знает об особенностях его восприятия классической музыки и надеется, что Василий Макарович заснет и пропустит главный момент.

Но этого не случится: Василий Макарович находится при исполнении служебного задания, и его внимание невозможно отвлечь никакой, самой занудной музыкой!

И внимание не подвело Василия Макаровича: он услышал негромкий скрип, а затем увидел, как приоткрылось окно (то самое, мутное от грязи и копоти), и из этого окна выбралась хрупкая худощавая старушка в соломенной шляпке, из-под которой кокетливо выбивались седые, аккуратно завитые букли.

Василий Макарович затаил дыхание и приготовился.

Он знал, что настает главный момент сегодняшней операции, тот самый момент истины, о котором так любят порассуждать писатели и журналисты.

Несомненно, под видом безобидной старушки из дома выбрался Полукопченный!

Правда, возникал вопрос, как здоровенный рецидивист, ростом под два метра и весом центнер, сумел загримироваться в маленькую хрупкую старушку, но Василий Макарович давно знал рецидивиста и ждал от него любого сюрприза.

Старушка прыгнула на землю и настороженно огляделась.

Не заметив ничего подозрительного, она крадучись двинулась к калитке, за которой проходило шоссе.

Ее путь пролегал мимо кустов сирени, за которыми скрывался бдительный Василий Макарович.

И это обстоятельство оказалось решающим!

Василий Макарович снова раздвинул кусты, шагнул вперед и протянул руку, чтобы сорвать с Полукопченного соломенную шляпку, а вместе с ней – седой завитый парик.

– Стой, Полукопченный! – воскликнул он хорошо поставленным голосом, от которого бледнели и тряслись опытные воры, грабители и матерые расхитители чужой собственности. – Стой, Полукопченный, ты арестован!

– Безобразие! – проговорила старушка возмущенно. – Как только таких пускают в филармонию?

Василий Макарович вздрогнул и проснулся.

Он сидел в Малом зале филармонии, в восьмом ряду, и пытался сорвать парик с сидящей перед ним крупной рыжеволосой особы лет пятидесяти.

– Это парик... – пробормотал он, стряхивая с себя остатки сна.

– Ничего подобного! – воскликнула рыжеволосая и повернулась к своему спутнику, по-видимому, мужу, плюговому лысому мужичку с оттопыренными ушами, в осыпанном перхотью темном пиджаке. – Алексей, почему ты молчишь? Твою жену оскорбляют, а ты на это смотришь сквозь пальцы!

– Но ватрушечка, мы же в филармонии! – залопотал муж, испуганно оглядываясь по сторонам. – На нас уже оглядываются!

На них действительно оглядывались и шикали.

Правда, в этот момент грянули литавры, заглушив разгорающийся скандал, а затем взвыли струнные инструменты.

Впрочем, справедливые мужнины доводы не смягчили рыжеволосую даму.

– Вот именно! – воскликнула она. – Мы в филармонии, а этот неотесанный болван схватил меня за волосы! Мало того – он заявил, будто это парик! Это возмутительная ложь! Алексей, ты должен немедленно вызвать администратора!

– Извините, дама... – забормотал Василий Макарович, – я нечаянно... на меня музыка так действует...

– Вот видишь, ватрушечка, – примирительно проговорил муж, – он извинился... у него такая трепетная натура, он от музыки пришел в экстаз и не смог сдержаться...

– С такой трепетной натурой пускай дома музыку слушает! – не унималась рыжеволосая «ватрушечка», но голос она понизила.

А Василий Макарович полностью проснулся и вспомнил, как его занесло в Малый зал филармонии, да еще на Пятую симфонию Густава Малера.

За три дня до описываемых событий в кабинет частного детектива Василия Макаровича Куликова вошел крупный, представительный мужчина в бежевом кашемировом пальто.

Собственно говоря, кабинет не совсем являлся кабинетом. До недавнего времени это была обычная жилая комната в небольшой двухкомнатной квартире на Васильевском острове. Да и сам Василий Макарович Куликов до недавнего времени служил скромным сотрудником районного отделения милиции и даже не помышлял о трудной и увлекательной карьере частного детектива. Но судьба иногда совершает неожиданные повороты и преподносит такие сюрпризы, о каких мы и не помышляем. Причем поводом для таких поворотов или сюрпризов может быть совершенно обыденное событие.

Именно так случилось с Василием Макаровичем.

Причиной (или поводом) перемен в его судьбе стало событие вполне заурядное и, во всяком случае, ожидаемое: Василий Макарович Куликов вышел на пенсию.

Друзья и коллеги проводили его на заслуженный отдых, подарив по такому случаю хороший плазменный телевизор. Начальник отделения произнес длинную прочувствованную речь, в которой отметил большие заслуги майора Куликова перед родным отделением и перед отечественной милицией в целом, отдал должное его опыту и таланту криминалиста и подчеркнул, как всем в отделении будет его не хватать.

Речь начальника немного затянулась, и к ее концу некоторые молодые сотрудники начали откровенно скучать и перешептываться, а сотрудники постарше озабоченно поглядывали на дверь соседнего кабинета, где уже накрыли стол.

Но все когда-нибудь заканчивается, закончилась и речь начальника, закончилось и праздничное застолье, и Василий Макарович остался один на один с заслуженным отдыхом.

Первые дни Куликов наслаждался тишиной и покоем, упивался непривычной свободой. Ему не нужно было вставать по будильнику, не приходилось спешить в родное отделение, ожидая очередной выволочки от начальства за не сданный вовремя отчет, не требовалось общаться по долгу службы с неприятными криминальными личностями...

Но уже через неделю он почувствовал, что ему чего-то не хватает.

А еще через три дня он осознал, чего именно: бессонных ночей, засад и погонь, головоломных расследований, событий и приключений, и даже регулярных нагоняев от начальства...

В общем, без привычной работы жизнь Василия Макаровича стала пустой и бессмысленной. Как у всякого мужчины, у Куликова имелось хобби: он собирал модели военной техники – танков, бронетранспортеров, самоходных установок. Но раньше он делал это для разрядки, в свободное от работы время, теперь же все его время стало свободным, и интерес к хобби сразу же упал.

Конечно, оставался еще телевизор. Но Василий Макарович никогда не любил проводить время перед голубым экраном, считал это занятие пустым и бессмысленным, недостойным здравомыслящего человека, и не собирался приучаться к нему на старости лет.

В общем, он промучился так некоторое время, и неожиданно в его голову пришла идея открыть частное детективное агентство.

Почему именно детективное агентство? – спросит читатель.

Да потому, что каждый человек должен делать только то, что умеет, то, что у него получается. Все несчастья в этой жизни, все неврозы и неприятности, все аварии и катастрофы (кроме, пожалуй, землетрясений и цунами) происходят оттого, что человек занимает чужое место и выполняет работу, к которой у него нет ни способностей, ни склонности. Человек, рожденный поваром, строит мосты; талантливый садовник водит автобусы; замечательный соба-

ковод работает в налоговой инспекции; способный сантехник готовит салаты из водорослей, роллы и суши – и что в итоге? Мосты рушатся, автобусы падают в кювет, салаты и роллы напоминают по вкусу... не будем говорить что. И сами люди, занимающие чужое место, чувствуют себя глубоко несчастными.

Именно поэтому Василий Макарович остановился на детективном агентстве.

Здесь он мог применить свой огромный опыт в решении криминальных загадок, здесь он мог занять свое свободное время и, что тоже немаловажно, немного подработать.

Агентство у него было совсем маленькое, кроме самого Куликова, в нем числился всего один сотрудник, точнее, сотрудница – девушка с редким именем Василиса, с которой Василий Макарович столкнулся совершенно случайно и которой помог выпутаться из сложного и опасного положения¹.

Сам Василий Макарович исполнял сложные и многообразные обязанности генерального директора агентства, его мозгового центра и оперативного сотрудника. Василиса формально считалась бухгалтером и офис-менеджером, хотя на деле ей приходилось решать более сложные и разнообразные задачи.

А еще был Бонни.

Но Бонни – это отдельная тема... отдельная и, если можно так выразиться, очень крупная. Килограммов семьдесят живого веса, причем все это – сплошные мускулы.

Итак, организовав собственное агентство, Василий Макарович переоборудовал одну из двух своих комнат в кабинет, дал объявления в несколько рекламных газет и стал ждать клиентов.

Со временем клиенты появились, но они вызвали в душе у Куликова горечь и разочарование.

Ему не приходилось распутывать криминальные головоломки, не приходилось расследовать загадочные убийства и похищения бесценных произведений искусства или уникальных бриллиантов с красивыми восточными именами.

В основном к нему приходили обманутые мужья и жены, которые хотели получить неопровержимые доказательства измены своей второй половины.

Вот и сегодняшний клиент явно был из такого же разряда.

Крупный, чрезвычайно откормленный господин в дорогом пальто, с маленькими, заплывшими жиром подозрительными глазками и круглой самодовольной физиономией, несколько напоминающей свиное рыло. Казалось, он даже негромко похрюкивал в промежутках между возмущенными репликами.

Понятно, что такой тип считает себя идеальным и непогрешимым и смотрит на измену жены как баран на новые ворота...

Василий Макарович слушал его вполуха, поскольку знал по опыту, что первые десять минут потенциальные клиенты жалуются на вероломство неверного супруга (или супруги) и требуют от собеседника сочувствия и понимания.

То есть не говорят ничего полезного.

Неожиданно он расслышал нечто странное.

– Ей о душе пора подумать, место на кладбище подобрать, дизайн памятника выбрать, а она туда же – любовника завела! – возмущенно произнес потенциальный клиент.

– Кто, простите? – удивленно переспросил Василий Макарович.

Он был уверен, что жена клиента – молодая фотомодель с классическими параметрами 90-60-90 и думать о душе или месте на кладбище ей рановато.

– Как – кто?! – возмущенно фыркнул клиент. – Она, Светлана Борисовна, теща моя! Вы меня вообще слушаете?

---

¹ См. роман Н. Александровой «Кодекс поведения блондинки».

– Разумеется, слушаю! – заявил Куликов, строго взглянув на клиента. – Но я вас попрошу повторить все еще раз. Возможно, первый раз вы упустили какие-то важные детали...

На этот раз он действительно очень внимательно выслушал рассказ клиента.

Звали его Юрием Михайловичем Чудесовым. Он руководил довольно крупной консалтинговой компанией и жил в большой квартире в центре города, с видом на Неву, вместе с женой и ее матерью, Светланой Борисовной.

До недавнего времени теща не доставляла ему никаких хлопот. Как положено обеспеченной женщине далеко не первой молодости, Светлана Борисовна регулярно посещала косметолога, тренера по фитнесу и психотерапевта. Массажистка, маникюрша и визажистка приходили к ней на дом.

Еще Светлана Борисовна время от времени встречалась с подругами, ходила на концерты в филармонию и посещала модные театральные премьеры.

– Ну и что же вас во всем этом не устраивает? – осведомился Василий Макарович, когда пауза в рассказе клиента затянулась.

– Мне даже как-то неловко об этом говорить... – протянул Чудесов.

– Но придется, – поторопил его Куликов. – Вы же пришли ко мне, значит, рассчитываете на мою помощь. А чтобы помочь вам, я должен все знать.

– Да, конечно... – Чудесов с сомнением взглянул на детектива, однако продолжил: – До меня дошли слухи, что в последнее время мою тещу Светлану Борисовну часто видят в компании одного и того же мужчины... молодого мужчины!

– Я не совсем понимаю... – проговорил Василий Макарович. – Ведь, как я понял, ваша теща – женщина свободная, самостоятельная и достаточно взрослая, чтобы отвечать за собственные поступки...

– Да уж, достаточно взрослая! – саркастически повторил Юрий Михайлович. – Боюсь, уже с признаками старческого маразма! В ее возрасте нужно вести себя прилично, а такие встречи – это недопустимо! Это бросает тень на всю нашу семью! В конце концов, какой пример она показывает своей дочери, моей жене? – Заказчик перевел дыхание и закончил строго и холодно: – И вообще, я пришел не выслушивать ваше мнение о своих родственниках. Вы – частный детектив, и мне требуются ваши профессиональные услуги.

– И что конкретно я должен сделать?

– Вы должны понаблюдать за моей тещей, выяснить, действительно ли она... встречается с мужчиной, кто он такой и насколько далеко зашли их отношения.

– Хорошо, – кивнул Василий Макарович. – А теперь обсудим детали нашего договора...

И вот теперь Василий Макарович сидел в Малом зале филармонии и следил за Светланой Борисовной.

Весь этот день он следовал за ней, как консервная банка, привязанная малолетними хулиганами к собачьему хвосту.

С утра он проследил за Светланой Борисовной до фитнес-центра. Проникнуть внутрь он не решился, но центр размещался в отдельном двухэтажном здании, все входы которого хорошо просматривались, и Василий Макарович провел два часа, грызя орешки и не сводя глаз с дверей центра.

Оттуда его объект плавно переместился к косметологу. Здесь Светлана Борисовна провела больше трех часов, и Василий Макарович начал уже волноваться – не сбежала ли дама через черный ход.

Однако она наконец появилась и на этот раз направилась в парикмахерскую.

К счастью, этот салон располагался на первом этаже, и через огромные окна Василий Макарович мог внимательно наблюдать, как две опытные мастерицы колдовали над ее прической.

После парикмахерской Светлана Борисовна отправилась в ресторан.

Василий Макарович осознал, что тоже ужасно проголодался, и вошел следом за ней в полутемный зал с низкими сводами.

Заняв столик возле входа, откуда он мог хорошо видеть свою подопечную, детектив ознакомился с меню.

Цены его просто потрясли.

Прикинув, что его пенсии хватило бы только на одно рыбное блюдо, да и то не из самых дорогих, Василий Макарович вздохнул и заказал чашку кофе.

За этой чашкой он провел сорок минут, наблюдая, как Светлана Борисовна расправляется со своим обедом (она заказала все низкокалорийное, вегетарианское, поэтому особенно дорогое).

Наконец она покончила с обедом и покинула ресторан.

Из ресторана она отправилась домой, и Василий Макарович подумал было, что его мучения на сегодняшний день закончились, и устремился в расположенное неподалеку недорогое кафе.

Однако не успел он заказать свои любимые блинчики с картошкой и грибами, как, бросив взгляд в окно, увидел выходящую из подъезда Светлану Борисовну.

На сей раз она была одета гораздо более нарядно и дорого, из чего Василий Макарович сделал вывод, что его объект направляется на какое-то светское или культурное мероприятие.

С грустью взглянув на недоеденные блинчики, он покинул кафе и отправился вслед за Светланой Борисовной.

На сей раз путь ее лежал совсем недалеко – к Малому залу филармонии.

В этот день здесь исполняли Пятую симфонию Густава Малера.

Светлана Борисовна достала из сумочки билет и скрылась в зале.

Василий Макарович заметался: билета у него не было, а по просроченному милиционерскому удостоверению в филармонию не пускают.

К счастью, он увидел сбоку от входа ужасно расстроенную девушку с билетом в руке: она собралась в филармонию с приятелем, но тот в последний момент отказался. Василий Макарович сунул ей в руку деньги, вошел внутрь и скоро с облегченным вздохом заметил в зале свою подопечную.

И все было бы хорошо, да вот, как назло, классическая музыка подействовала на него как снотворное.

К счастью, пока он спал под действием волшебной музыки Малера, его объект никуда не делся.

Теща заказчика сидела в третьем ряду и, судя по выражению ее спины и затылка (если, конечно, у спины и затылка может быть выражение), наслаждалась музыкой.

Василий Макарович немного успокоился: по крайней мере, он не упустил объект, не проспал задание.

Правда, музыка гремела с прежней силой, и несчастного детектива снова начало клонить в сон.

Чтобы не заснуть, он начал мысленно собирать и разбирать пистолет Макарова, долгие годы служивший ему табельным оружием. Два раза это получилось успешно, а на третий раз боек никак не хотел вставать на место. Василий Макарович уже хотел постучать воображаемым пистолетом по ручке кресла, чтобы загнать непослушную деталь куда надо, как вдруг он заметил, что Светлана Борисовна встала со своего места и двинулась вдоль ряда, извиняясь перед соседями.

«Кажется, началось!» – подумал детектив и тоже поднялся.

Соседи снова зашикали на него, рыжеволосая «ватрушечка» обернулась и послала неприязненный взгляд. Не обращая внимания на этот негативный фон, Василий Макарович пошел по ряду, громко извиняясь перед теми, кого потревожил, и в особенности перед теми, кому

наступил на ногу. А таких оказалось немало: старый детектив и вообще-то был довольно неловок, а в непривычной обстановке филармонии чувствовал себя настоящим слоном в посудной лавке.

Наконец он выбрался на оперативный простор и как раз успел заметить зеленое платье Светланы Борисовны, скрывшееся за одной из дверей.

Василий Макарович устремился следом за ней, выскочил в ту же дверь и оказался на улице, возле служебного выхода филармонии.

Светлана Борисовна стояла возле края тротуара и нервно оглядывалась по сторонам. Буквально тут же рядом с ней остановился черный «бумер», передняя дверца приоткрылась, женщина села рядом с водителем, и черная машина сорвалась с места.

Собственный автомобиль Василия Макаровича стоял далеко, и частный детектив замал руками, чтобы остановить «бомбиста».

Ему очень не хотелось тратить деньги на транспорт, но ситуация складывалась безвыходная: нельзя было упустить свою «подопечную» в самый решающий момент. А момент действительно становился решающим – теща заказчика явно направлялась на тайное свидание.

К счастью, долго ждать не пришлось: рядом с ним затормозил выдавший виды «Опель». Василий Макарович плюхнулся на переднее сиденье и выпалил:

– Давай за тем «бумером»!

Только после этого он оглянулся на водителя.

Рядом с ним за рулем «Опеля» сидел Николай Штукин, сотрудник двенадцатого отделения милиции, которого Куликов помнил еще совсем молодым лейтенантом.

– Никак ты, Макарыч? – осведомился Николай, выруливая вслед за черным «бумером» на Садовую улицу. – Правда, что ли, частным детективом заделался?

– Правда, правда! – отмахнулся Василий Макарович. – А что – думаешь, легко на одну пенсию прожить? Ну, тебе-то о пенсии еще рано думать... ты смотри, не упусти этот «бумер»!

– Не упущу, не бойся! А что, Макарыч, хорошо частные детективы зарабатывают?

– Слезы! – вздохнул Куликов. – Еле концы с концами свожу!

Штукин ему явно не поверил и, когда их маршрут закончился возле небольшого ресторанчика на Казанской улице, содрал с бывшего коллеги просто неприличную сумму.

Василий Макарович попытался его пристыдить, но побоялся упустить объект и, с тяжелым вздохом выложив требуемую сумму, спустился в полуподвальное помещение ресторана.

Он как раз успел разглядеть, как Светлана Борисовна со своим спутником вошла в одну из кабинок, на которые был разделен сводчатый подвал.

Интерьер ресторана был оформлен в эстетике средневекового рыцарского романа: закопченные сводчатые потолки, по стенам развешаны заржавленные двуручные мечи, щиты и рыцарские доспехи, между ними горели дымные факелы, освещавшие полутемное помещение мрачным багровым светом.

В этом мрачном освещении Василий Макарович попытался разглядеть спутника своей подопечной.

Это был рослый широкоплечий мужчина лет тридцати, с решительным взглядом и агрессивно выдвинутым вперед подбородком – настоящий мачо. Конечно, такой легко может вскружить голову стареющей женщине!

Лицо его показалось Куликову смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел.

К счастью, ресторан оказался почти пустым, и Василий Макарович занял кабинку рядом с тещей заказчика.

Цены здесь были не такие пугающие, как в том ресторане, где Светлана Борисовна обедала, и детектив заказал себе мясо по-рыцарски и кружку темного пива.

Едва официант принял заказ и удалился, Василий Макарович прильнул ухом к перегородке, отделявшей его от соседней кабинки. За перегородкой разговаривали, однако слышно было плохо, тогда он приставил к стенке бокал, который усилил звук.

Говорил мужчина:

– Как вы хотите, Светлана, но Берендеева нужно убить!

– Какой вы кровожадный, Славик, – отозвалась женщина, – не хватит ли крови?

– Моя кровожадность тут ни при чем! Берендеев слишком много видел, он – опасный свидетель, так что убить его просто необходимо! Это не обсуждается...

– Но алиби... что мне делать с алиби на время его смерти?

– Ну, уж вы что-нибудь придумаете, Светлана! Вы же профессионал, что вам, первый раз нужно алиби? Кстати, насчет кровожадности... вам не кажется, что с убийством Алексея вы перестарались? Печень в полиэтиленовом пакете... меня от этого просто затошнило!

– Вы меня удивляете, Славик! – Женщина негромко хихикнула. – Вы же мужчина, откуда такая чувствительность? Вы же знаете, как я люблю расчлененку!

– Ну ладно, в конце концов вам решать, я не вмешиваюсь в детали исполнения! Но насчет Берендеева я настаиваю, его убить совершенно необходимо...

Василий Макарович слушал разговор за перегородкой, и остатки волос на его голове поднялись дыбом.

В какую же кошмарную историю втянул его новый заказчик?

Его теща, такая с виду безобидная пожилая дама, оказалась... наемным убийцей! Да еще таким кошмарным убийцей, получающим удовольствие от своих чудовищных преступлений, кровожадным монстром со склонностью к расчлененке...

Между посещениями косметолога, парикмахерской и фитнес-центра она вовсе не крутит роман с молодым красавцем, как предполагает зять, а выполняет по поручению молодца жуткие убийства!

Но когда, когда она это успевает? Ведь почти вся ее жизнь проходит на глазах семьи?

Ответ на этот вопрос напрашивался сам собой.

Если она скрылась из зала филармонии, чтобы встретиться со своим заказчиком, кто мешает ей точно так же улизнуть из косметического салона или парикмахерской, чтобы расправиться с очередной жертвой?

Василий Макарович стал перебирать в уме нераскрытые преступления последних месяцев. Было ли среди них такое жестокое убийство с расчлененкой, о котором только что говорили в соседней кабинке?

Куликов не припоминал ничего похожего, однако ведь он давно уже на пенсии и знает далеко не обо всех серьезных преступлениях, совершаемых в городе!..

Тем временем в зале ресторана определенно что-то происходило.

Послышались шаги и голоса многих людей, что-то упало, затем громкий, решительный голос выкрикнул:

– Он здесь, в этой кабинке! Не дайте ему уйти! Мы его так давно выслеживали!..

Василий Макарович перевел дыхание.

Кажется, его бывшие коллеги сами, без его помощи выследили эту кошмарную парочку, и сейчас в ресторане происходит операция по задержанию...

Снаружи снова донеслись какие-то приглушенные возгласы, звон стекла, и вдруг в кабинку Василия Макаровича проскользнула женская фигура.

Куликов с изумлением узнал Светлану Борисовну.

Женщина взглянула на него умоляюще и проговорила вполголоса:

– Вы позволите мне посидеть здесь? Буквально десять минут! Я очень прошу вас! Спрячьте беспомощную женщину от наглых, беспардонных людей...

«Ага, как же! – подумал Василий Макарович. – Я буду прятать убийцу от милиции! Не дожدهшься! Я сам двадцать лет в милиции отработал!»

В следующую секунду он вспомнил, как только что за перегородкой Светлана Борисовна хладнокровно обсуждала кровавое убийство, и в душу его закрался страх.

Ведь он даже не вооружен, а этой, с виду такой безобидной, пожилой женщине убить человека ничего не стоит... наверняка она вооружена... Убьет его, расчленит и распихает по полиэтиленовым пакетам...

Что делать?

Чтобы выиграть время, Василий Макарович показал женщине на свободное кресло и проговорил:

– Конечно, садитесь, пожалуйста! Не желаете ли кофе или чего-нибудь покрепче?

– Спасибо, если можно, минеральной воды! – проговорила Светлана Борисовна, с облегчением опускаясь в кресло.

Заметив, что она расслабилась и прикрыла глаза, Куликов молниеносно вскочил, схватил со стола металлическую солонку, приставил ее к боку женщины и проговорил хорошо поставленным милицейским голосом:

– Гражданка Стогова, руки на стол! Вы арестованы! Сопротивление бесполезно!

Светлана Борисовна вздрогнула, открыла глаза и удивленно оглянулась на Василия Макаровича:

– Арестована? Что за чушь? За что? Вообще, кто вы такой и откуда знаете мою фамилию?

– Вы еще спрашиваете – за что?! – возмущенно воскликнул Куликов. – Я слышал, как только что вы со своим сообщником обсуждали детали совершенных вами преступлений! Я – частный детектив, меня нанял ваш зять Чудесов, но он и представления не имел, чем вы занимаетесь! К счастью, на ваш след уже вышла милиция, вашего сообщника в данный момент арестовывают, и вам придется разделить его судьбу...

Василий Макарович ждал чего угодно, он был готов к внезапному нападению, к попыткам оправдаться и разжалобить его, но вместо всего этого Светлана Борисовна расхохоталась.

– Так это Юрка вас нанял? – проговорила она, отсмеявшись. – Вот же дурак!

– Не вижу в этом ничего смешного, – отозвался Василий Макарович, удивленно прислушиваясь к тому, что происходило за стенкой.

Там же не происходило ничего похожего на задержание особо опасного преступника.

– Вячеслав Романович! – говорил тот человек, который минуту назад, как думал Куликов, командовал группой захвата. – Вячеслав Романович, расскажите нам о ваших творческих планах...

– Никаких комментариев! – отрезал недавний собеседник Светланы Борисовны.

– Но до нас дошла достоверная информация, что вы работаете над новым романом...

– Никаких комментариев! – повторил мужчина.

– Но хотя бы намекните, о чем будет этот роман и будут ли в нем леденящие душу подробности, которые так полюбились вашим постоянным читателям?

– Никаких комментариев!

– Что там происходит? – удивленно спросил Василий Макарович, опустив руку с солонкой и удивленно глядя на Стогову. – Я ничего не понимаю... так вашего сообщника не арестовывают?

– Да за что его арестовывать? Славик – совершенно безобидный человек! И вот что, раз уж вы частный детектив – помогите мне выйти отсюда, не столкнувшись с этими стервятниками!

– Помогу, если вы мне все объясните! – согласился Куликов.

– Но вы это никому не расскажете?

– Я же частный детектив! Хранить чужие тайны – это часть моей работы!

– Все дело в скуке... – проговорила Светлана Борисовна с тяжелым вздохом. – После смерти мужа мне нечем было себя занять, а от природы у меня очень деятельная натура. Мне неинтересно тратить все свое время на фитнес и косметолога...

Василий Макарович слушал ее сочувственно: он сам пережил нечто подобное, когда вышел на пенсию. Конечно, у него к скуке добавилось еще хроническое безденежье, но отсутствие любимой работы тоже играло большую роль.

– И тогда мой психотерапевт посоветовал мне заняться каким-нибудь творческим трудом – рисовать, лепить скульптуры, писать...

Светлана Борисовна сделала небольшую паузу и продолжила:

– К живописи у меня не было призвания, лепку я посчитала каким-то детским, несерьезным занятием, а как-то прочла интервью с известным автором криминальных детективов и загорелась. Попробовала написать первый роман и поняла, насколько это увлекательно. Причем мне особенно удавались разные кровавые детали, кошмарные преступления... вы знаете, когда я описывала какое-нибудь ужасное убийство, при этом всегда представляла кого-нибудь из своих врагов или вообще неприятных мне людей. Опишешь его убийство – и сразу на душе становится так хорошо, так благодно...

Она перевела дыхание и снова заговорила:

– Закончив первый роман, я задумалась о его публикации. Знаете, когда книга завершена, очень хочется увидеть ее напечатанной. Ведь книга – это как ребенок, ее хочется вывести в свет. Но, с другой стороны, мне совершенно не хотелось, чтобы пресса трепала мое имя. Кроме того, я поговорила с одним издателем, знакомым моего покойного мужа. Разумеется, я не рассказала ему о своем проекте, а просто задала ряд наводящих вопросов, и он сказал мне, что жесткий детектив с кровавыми деталями должен выходить непременно под мужским именем. Иначе читатели просто не обратят на него внимания.

Ну, и тогда я поговорила со Славиком... он очень милый молодой человек, бывший охранник моей старинной подруги. Так вот, мы с ним договорились, что я буду писать романы под его именем. Он станет, так сказать, лицом бренда, будет вести дела с издателями и журналистами, встречаться с читателями... деньги мы делим пополам. Так все и пошло. Мои... наши романы имеют большой успех, может быть, вы их видели – они подписаны именем Вячеслав Костоломов...

Василий Макарович детективов не читал, ему казалось, что в них нет ни слова правды, однако он припомнил, что видел в киосках и на книжных лотках маленькие яркие томики с брызгами крови и с этим именем автора на обложке.

– Правда, – продолжила Светлана Борисовна, – со временем Славик немного зазнался, он уже считает себя полноправным автором и даже начал делать мне замечания по тексту романов. Но это не самое страшное. Больше всего мы боимся, что нас разоблачат журналисты. Я не хочу, чтобы в «желтой прессе» мелькало мое имя, Славик, наоборот, не хочет, чтобы его авторство поставили под сомнение. Поэтому мы устраиваем наши встречи по всем правилам конспирации. И все равно, как видите, журналисты, эти стервятники, умудряются нас подкараулить. Я представляю, какой шум они поднимут, если узнают, кто на самом деле сочиняет романы под именем Вячеслава Костоломова...

Светлана Борисовна взглянула на детектива с детским насмешливым любопытством и осведомилась:

– Так вы сказали, что вас нанял Юрий? А для чего, если не секрет? Что он вам поручил?

– Я... я не могу... не должен... не имею права раскрывать информацию, доверенную мне клиентом... – неуверенно пробормотал Василий Макарович, уставившись в стол. Он и сам не знал, как вести себя в сложившейся ситуации, и чувствовал себя очень глупо.

– Позвольте, я сама догадаюсь! – хихикнула женщина. – Наверное, Юрий вообразил, что у меня роман со Славиком!

Куликов ничего на это не ответил, но его смущенный взгляд был выразительнее всяких слов.

– Какая прелесть! – Светлана Борисовна закатила глаза. – А вы знаете, это даже приятно, что меня еще подозревают в романтических отношениях с молодым человеком! А хотите, я объясню вам, почему Юрия так беспокоит мое поведение?

Василий Макарович промолчал, но его собеседница и не ждала никакого ответа. Она перегнулась через стол и громко, выразительно прошептала:

– Потому что он нищий!

На этот раз детектив не смог промолчать. Вспомнив вальяжного, уверенного в себе клиента, он удивленно поднял брови и переспросил:

– Кто нищий? Чудесов?

– Именно! – Женщина откровенно наслаждалась его удивлением. – Юрка умеет произвести впечатление на незнакомого человека. Держится таким барином, надувает щеки – ну как же, генеральный директор фирмы, большая шишка... а на самом деле он – никто, пустое место, ноль без палочки! Почти все акции фирмы принадлежат мне. Мой покойный муж знал, что наша милая дочурка не блещет умом и что муж вьет из нее веревки, поэтому оставил все мне. Так что в любой момент я могу выкинуть Юру на улицу...

Светлана Борисовна сделала паузу, чтобы дать Куликову возможность осознать ее слова, и добавила:

– Вот он и переполошился, когда узнал от кого-то, что я встречаюсь с молодым мужчиной. Решил, что Славик охотится за моим состоянием, что он вскружил мне голову, лишил меня последнего разума и отберет у него все деньги...

Василий Макарович тяжело вздохнул: судя по всему, именно так все и было. Теперь перед ним стояла непростая задача: ему следовало отчитаться перед заказчиком о результатах своего расследования, а что ему сказать? Правду?

Светлана Борисовна, кажется, прочитала его мысли как открытую книгу.

– И что же вы доложите Юре? – Она наклонила голову набок и насмешливо взглянула на детектива. – Давайте подумаем вместе. Если вы скажете ему все как есть – вы, во-первых, подведете нас со Славиком, а во-вторых – Юра вам, скорее всего, не поверит. Он невысокого мнения о моих умственных способностях, да и вообще, редкий зять может поверить, что его теща сумела самостоятельно раскрутить такой успешный проект. А даже если поверит – вряд ли он заплатит вам все, что должен. Я своего зятя хорошо знаю, он очень неохотно расстается с деньгами...

Светлана Борисовна сделала эффектную паузу и продолжила:

– Так что позвольте мне сделать вам выгодное предложение. Я вас нанимаю, плачу вам гонорар – сколько вам обещал заплатить Юрий? Я заплачу на двадцать процентов больше, причем прямо сейчас! А вы за это доложите ему, что выследили меня, подслушали мой разговор со Славиком и из этого разговора узнали, что он, как и вы, частный детектив и будто я наняла его, чтобы... – Светлана Борисовна задумалась – ну, например, чтобы выяснить, нет ли у него романа с собственной секретаршей.

– А что, есть? – поинтересовался Василий Макарович.

– Понятия не имею! – Женщина пожала плечами. – Ну так что – согласны? Соглашайтесь! Василий Макарович тяжело вздохнул... и согласился: другого выхода у него не было.

– Вот и отлично! – Светлана Борисовна достала из сумочки бумажник из крокодиловой кожи и отсчитала ему деньги.

Она взглянула на часы и добавила:

– Кстати, мне пора возвращаться в филармонию, концерт скоро закончится...

Василию Макаровичу пришлось выполнить свое обещание.

Он вызвал официанта, расплатился с ним, дал щедрые чаевые и попросил, чтобы тот помог им со Светланой Борисовной незаметно выйти из ресторана.

Официант работал в ресторане много лет и привык к самым необычным просьбам. Если он и удивился, то никак это не показал, ни один мускул не дрогнул на его невозмутимом лице.

Он открыл своим ключом незаметную дверку в задней стене кабинки и распахнул ее перед клиентами.

Василий Макарович со своей новой клиенткой прошел через служебные помещения ресторана, и вскоре они оказались возле двери, выходящей в тихий безлюдный переулок. Оставив здесь Светлану Борисовну, Куликов поймал машину, подогнал ее к ресторану, посадил в нее клиентку и доставил ее к филармонии за десять минут до окончания концерта.

Сам он в зал не вернулся – ему на сегодня уже хватило классической музыки. Вместо этого он позвонил Чудесову и сказал, что готов предоставить отчет о проделанной работе.

Юрий Михайлович взволновался и сказал, что готов встретиться через полчаса на набережной, недалеко от своего дома.

Ровно через тридцать минут Василий Макарович выехал на набережную и увидел припаркованную возле балюстрады серебристую «Ауди» Чудесова.

Он поставил свои скромные «Жигули» в десятке метров от машины заказчика и подсел к нему.

Чудесов выглядел очень озабоченным.

– Ну как, – спросил он вместо приветствия. – Вы узнали, кто этот тип и чего он хочет от моей тещи?

– Узнал, – ответил Куликов, не глядя в глаза клиенту, – он мой коллега, частный детектив. Со Светланой Борисовной у него чисто профессиональные отношения...

– Как так? – удивленно переспросил Юрий Михайлович, глядя на Куликова как баран на новые ворота.

– Ваша теща наняла его точно так же, как вы наняли меня...

– Наняла? – как эхо, повторил Чудесов. – Для чего же?

– Мне удалось подслушать их разговор. Светлана Борисовна наняла его, чтобы проследить за вами. Извините, но она считает, что у вас роман с собственной секретаршей...

– Что?! – Даже в полутьме было заметно, как побледнел заказчик. – С чего она взяла? Как она пронюхала? Да я с Мариной всего-то один раз... ну, два или три... разве это можно назвать романом? Ну, теща... как она про это узнала? Завтра же уволю Марину...

Чудесов спохватился, что находится в машине не один, и уставился на Куликова:

– И что этот детектив – он уже что-то разнюхал?

– Пока нет, он еще собирает предварительную информацию. А вот я уже выяснил все, что вы мне поручали, так что считаю свою работу законченной и хотел бы получить окончательный расчет согласно договору...

– Расчет? – недовольно буркнул Чудесов. – Вы работали всего один день... за один день работы и аванса вполне достаточно.

– Но я за этот день выяснил все, что нужно. Мы с вами заключили договор, и я свою часть выполнил...

– У меня сейчас все равно нет денег. Позвоните мне завтра или лучше послезавтра...

Василий Макарович хмыкнул и выбрался из машины: Светлана Борисовна хорошо знала своего зятя.

Мне снилось, что я сижу в кино, где показывают фильм-катастрофу. Я в кино хожу редко, потому что в прокате очень мало фильмов на мой вкус. Мелодрамы я не люблю, романтические комедии просто ненавижу – что за интерес смотреть фильм, где с самого начала знаешь, что у героев все будет хорошо и они поженились? Боевики со стрельбой тоже не очень впечатляют – шуму много, и заранее известно, что герой всех победит. Скажете, что в фильме-катастрофе

тоже главный герой всегда выживает, да еще мимоходом спасает прекрасную блондинку? Оно-то так, да только меня впечатляют падающие скалы, рушащиеся многоэтажные здания, извергающиеся вулканы, огромные океанские волны и все такое прочее, отлично сделанное на компьютере.

Как это часто бывает во сне, я уже не смотрела на экран, а оказалась там, в гуще событий. Я спряталась в крошечной темной пещере, где было ужасно жарко, а за стеной грохотала не то лава, не то подземная река. Стена содрогалась от ударов. Я со страхом ждала, что она не выдержит и рухнет. И тогда меня зальет. Но сделать я ничего не могла, руки и ноги сковало от страха.

Удар, еще удар, стена дрогнула, покачнулась, раздался леденящий душу грохот, стена пошла кривыми трещинами, я затаила дыхание. И вот в дыру просунулась огромная страшная оскаленная морда, с клыков капала слюна.

Фильм-катастрофа плавно перешел в фильм ужасов. Я попыталась махнуть рукой, чтобы оттолкнуть от себя ужасного монстра и... едва не свалилась с собственной кровати. А когда пришла в себя, то сообразила, что Бонни долго бился головой о дверь, и наконец она сдалась и открылась. И вот эта ужасная оскаленная морда с клыками из моего кошмара принадлежит моему дорогому Бонни – бордоскому догу песочного цвета, весом без малого семьдесят килограммов. Бонни – свет моих очей, самое близкое мне существо, мы с ним встретились не в лучший период для обоих, мы оба были одиноки. Меня тогда совершенно подло обманул муж, а Бонни потерял любимого хозяина².

Теперь мы вместе, и, кажется, навсегда. Бонни считает, что нам никто не нужен, во всяком случае, он упорно старается отводить от меня всех личностей мужского пола, делая исключение только для дяди Васи, с которым нас связывают деловые отношения и взаимная симпатия. Эти двое – пожилой бывший милиционер и нахальный, донельзя избалованный бордоский дог – вся моя семья на сегодняшний день.

Только не вздумайте меня жалеть, потому что после развода с мужем все у меня налажилось – мы с Бонни живем в собственной двухкомнатной квартире, работа частного детектива мне нравится. Хотя дядя Вася не верит в мои детективные способности, все время надо мной подсмеивается и норовит отдалить меня от оперативной работы. Шесть лет замужества научили меня никогда не спорить с мужчиной, только кивать головой и со всем соглашаться. С дядей Васей такой метод приносит замечательные плоды, я сейчас поясню.

Вот, к примеру, приходит к нам клиент. Чаще всего это обманутый муж, который хочет вывести на чистую воду свою загулявшую женушку, или владелец мелкой фирмочки, которого обкрадывает подчиненный. В крупной фирме обычно своя служба безопасности, они без посторонних детективов обойдутся.

Значит, дядя Вася выслушивает клиента внимательнейшим образом и заверяет, что задание будет выполнено точно и своевременно. Я печатаю договор, принимаю от заказчика небольшой аванс и выдаю ему расписку. Клиент уходит, и дядя Вася говорит, что я могу считать себя свободной, всей оперативной работой займется он сам. Я не спорю и послушно удаляюсь.

И буквально завтрашним утром меня срочно призывают, потому что любвеобильная жена нашего заказчика ведет активный образ жизни. Она ведь тоже не полная дура, чтобы принимать своего любовника в собственной квартире перед глазами любопытных соседей, консьержки и системы видеонаблюдения. Она ходит в СПА, в салон красоты, в фитнес-клуб и в бассейн. Точнее, делает вид, что ходит, во всяком случае, это – хорошая отмазка для ревнивого мужа.

Придет, к примеру, в салон красоты, посидит немного, а потом ускользнет тихонько через заднюю дверь. А частный детектив сидит себе спокойно снаружи, за входом наблюдает, ничуть

---

² См. роман Н. Александровой «Откройте принцу дверь».

не волнуется, потому что знает уже, что в салоне красоты дама спокойно может часа четыре провести, а то и больше. А она пообщается с любовником и обратно вернется. Так что наблюдатель мужу сообщает, что все в порядке, ни в чем предосудительном его женушка не замечена.

Бывали уже такие случаи, но дядя Вася – человек тертый, все эти дамские штучки знает отлично, поэтому вызывает меня, чтобы проследить за объектом, так сказать, на месте. Перед этим он тщательно меня инструктирует, чтобы никакой самостоятельности, чтобы я только наблюдала и тотчас докладывала ему обо всех передвижениях объекта и подозрительных встречах. Я, разумеется, киваю головой как китайский болванчик и иду на задание. А дальше делаю все как считаю нужным, своя-то голова у меня на плечах имеется. Главное – никогда не спорить с дядей Васей.

Вот так и получается, что я постоянно участвую в оперативной работе, хотя Василий Макарович упорно делает вид, что это не так. Ну, мужчины как малые дети, пускай думает что хочет, лишь бы не капризничал.

Бонни плотоядно облизнулся и бросился ко мне.

– Пошел вон! – заорала я. – Еще на постель он будет лезть! Перетопчешься!

Бонни, конечно, очень меня любит, это бесспорно. Но совершенно не слушается. От природы он вовсе не злобный. Даже, можно сказать, миролюбивый и добродушный. Если мне не угрожает непосредственная опасность, он не станет беспричинно нападать на окружающих. И даже рычать не будет. Но вот если на прогулке мы случайно встречаем бродячую кошку...

Справедливости ради нужно сказать, что ни одной кошке он не сумел причинить особого вреда, ибо дворовые коты, как известно, умеют за себя постоять.

При этом Бонни сентиментален, он любит ласку, просится на ручки, как маленький, боится крыс и темноты и очень не любит оставаться один. Проведя в одиночестве больше часа, пес впадает в самую настоящую истерику, начинает выть и биться головой о стены. А самое ужасное то, что прежние хозяева приучили его спать в их кровати. Да-да, не удивляйтесь, я видела эту кровать, ее изготовили на заказ, она была размером с малое футбольное поле.

Бонни давно уже не живет в той квартире, но отвратительная привычка спать в хозяйской постели нет-нет да и прорывается. Вот и сегодня он явно настроился поваляться.

– Бонни, немедленно отвали от кровати! – рявкнула я и осознала, что в ушах что-то звенит.

Оказалось, что это надывается телефон. Я отпихнула Бонни и босиком побежала искать трубку.

– Василиса! – В уши ворвался сердитый голос дяди Васи. – Легче статую каменную разбудить, чем тебя!

– Чего надо? – от неожиданности невежливо спросила я.

– Быстро одевайся и дуй ко мне! – распорядился дядя Вася. – У нас клиентка!

– С чего это в такую рань? – удивилась я, взглянув на будильник. – Еще девяти нету...

– Во-первых, девять уже давно есть, у тебя часы встали, – буркнул мой начальник, – а во-вторых, ей нужно срочно! Не хочет ждать ни получаса, вынь да положь!

Я встряхнула будильник – ну так и есть, он стоит. Это потому, что Бонни вчера уронил его на пол. А я-то еще радовалась, что будильник не разбился! Только стекло треснуло, так я его изолейкой замотала... но, видно, что-то там внутри повредилось, вот часы и встали. Надо же, совершенно новый будильник...

– Так что бросай все и немедленно несись ко мне! – надрывался в трубке мой любимый шеф. – Да этого обормота дома оставь, судя по голосу, дама и так очень сильно нервничает, а увидит этакое чудо – вообще распахнется!

– Вот еще, какие клиенты требовательные... – ворчала я, одеваясь. – Пожар у нее, что ли? Бонни у двери негодующе взвыл – а гулять?

– Некогда мне, с дяди Васи спрашивай, – рассердилась я, выпихивая своего капризного бегемота в садик возле дома, – побудь пока здесь, я скоро вернусь.

В квартире Бонни ни за что бы не остался, а в садике можно было поиграть опавшими кленовыми листьями, гавкнуть на прохожих, а если повезет, то слегка пугнуть соседского сиамца Муху (сиамского кота называли Мохаммед Али в честь знаменитого боксера, но кот на такое длинное имя не откликался, и его перекрестили в Муху).

Надо сказать, Муха кот боевой, повидавший в своей жизни всякого, и Бонни нисколько не боится. Скорее мой дуралей побаивается его когтей. Но... положение обязывает, и при виде кота Бонни начинает рычать и лаять.

Очень удачно выскользнув за калитку, я помахала Бонни рукой и припустила в сторону дома дяди Васи. Живем мы близко, я специально так выбирала квартиру, когда покупала ее после развода.

– Ну, тетка, что-то ты долго! – приветствовал меня любимый начальник.

– И так всю дорогу бежала! – огрызнулась я, мимоходом оглядев себя в зеркало.

Вид ничем не порадовал: волосы растрепаны, как будто я выпала из машины и тормозила головой, под глазами размазана вчерашняя тушь. И как это я не заметила?

– Ты что, не умывалась, что ли? – ехидно спросил дядя Вася, оглядев меня с ног до головы.

Вообще-то он человек невредный, просто сегодня у меня действительно такой вид, что каждый норовит гадость сказать. Сам-то дядя Вася был чисто выбрит, редкие волосы аккуратно приглажены, рубашка чистая.

– Ты не заболела? – осведомился он, сообразив, что такой внешний вид, как сегодня, для меня нетипичен.

– Прospала... – неохотно ответила я, – а Бонни, как назло, будильник сломал.

– Хулиган! – оживился дядя Вася, в голосе его сквозила безграничная нежность.

Не помню, говорила я или нет, но они с Бонни обожают друг друга. Бонни помогает моему компаньону клеить модели танков и самоходок, а дядя Вася, в свою очередь, читает ему детские книжки. У него в гараже стоит стеллаж, где собраны старые журналы и приключенческие детские романы, среди которых «Военная тайна», «На графских развалинах» и целая серия книжек про пионеров-героев. Еще дядя Вася пытается научить Бонни играть в шахматы, но Бонни никак не может запомнить, как ходит конь.

Я резво скакнула в ванную, где у меня припрятано кое-что из косметики, и пока наводила красоту, выслушала от дяди Васи краткий отчет.

Клиентка позвонила ему около девяти, сказала, что ей срочно нужно встретиться, ждать не захотела, якобы время очень дорого. Ну что ж, у Василия Макаровича принцип простой: воля клиента – закон. Нужно пораньше – будет пораньше. Нужно в шесть утра перед открытием метро – ради бога, нужно в полночь на кладбище – с нашим удовольствием, лишь бы труд оплачивался.

Голос у женщины был молодой и очень озабоченный, видно, и впрямь неприятность у нее случилась. Но говорила вежливо, не истерила и не хамила.

– И на том спасибо! – сказала я, подкрашивая губы.

– Ты бы юбку, что ли, надела... – неодобрительно сказал дядя Вася, – а то несолидно как-то в джинсах этих...

Нет, ну как вам это понравится! Джинсы в нашей стране носят уже лет сорок, а в Америке они вообще появились в девятнадцатом веке, а этому старому ретрограду они, видите ли, не годятся! Несолидно, понимаете ли! Его бы воля – одел бы меня в беленькую блузочку с отложным воротничком, как моя бабушка говорила – апаш. И юбку до середины колена, как, верно, носила его покойная жена.

Тут я осознала, что злопыхаю, а это недопустимо. Тем более что жена дяди Васи, судя по квартире, была женщина хозяйственная и домовитая, жили они душа в душу, ссорились редко. Дядя Вася – человек в общении не противный, а что ворчит иногда, то опять же, как моя бабушка говорила, возраст...

– Джинсы дорогие, – миролюбиво сказала я, – хорошей фирмы, клиент – молодая женщина, она сразу поймет, что к чему, точнее, что почем. У нас же все-таки не обычный офис, а детективное агентство, пускай она почувствует разницу.

Я отложила косметичку и пригляделась к себе. Все же вид не блестящий. Круги под глазами удалось удачно замаскировать, морщинку у губ тоже, но вот сами глаза... в них какое-то странное, затравленное выражение. Не зря дядя Вася спросил, не заболела ли я. Его где-то можно понять.

Физически я здорова, просто не спала полночи. Думала. Вчера исполнился ровно год со дня моего развода, и, не желая этого, я подводила итоги.

Двадцать семь лет. Мужа нет, детей нет, любовника – и того нет. Как-то никто не нравится, да, откровенно говоря, не из кого выбрать. Впереди – полный туман. Время уходит, что делать? Выйти замуж за Лешку Творогова, капитана милиции, с которым нас связывают странные отношения? Вроде бы он за мной ухаживает, но с двойственной целью. Я точно знаю, что ему нравлюсь, а еще ему негде жить, так что невеста с двухкомнатной квартирой для него отличный вариант. Леша – парень неплохой, правда, застенчивый немножко и косноязычный, а так вполне с ним можно ладить. Ребеночка родить...

В голове тотчас возникла картина: я в старом застиранном халатике, на кухне – гора грязной посуды, мужа вечно нет дома, потому что у него то дежурство, то засада, то какое-нибудь внеочередное мероприятие, для которого всю городскую милицию подняли по тревоге. В комнате плачет ребенок – такой же лопоухий и неказистый, как папа. Хорошо, если мальчик, а если у девочки будут такие уши? Что она мне скажет, когда вырастет?

Ладно, Лешу Творогова оставим на самый крайний случай. К тому же его никак не принимает Бонни, потому что у Лешки дома живет кот. И вообще, Бонни ревнует меня ко всем особям мужского пола, кроме дяди Васи, но про это я уже говорила.

На этой грустной мысли я заснула где-то в полвторого ночи. И утром, естественно, проспала, да еще Бонни сломал будильник. Так что нечего удивляться, что под глазами – тени, а сами глаза смотрят затравленно и грустно.

Нечего давать волю таким мыслям. Тем более что у меня все не так уж плохо – есть жилье и работа, кстати, жилье неплохое и работа довольно интересная, есть о ком заботиться – о Бонни и о дяде Васе. Что касается внешнего вида, то от частых прогулок и вообще всевозможной беготни я похудела. Конечно, сегодня, может, и не следовало надевать этот свитерок, поскольку лиловый цвет бледнит, зато свитер очень удачно подчеркивает тонкую талию.

– Ты скоро? – напомнил о себе мой начальник.

– Вы бы лучше в комнате прибрали, чем над душой стоять! – огрызнулась я.

– Я вчера пылесосил, – обиделся дядя Вася.

В комнате и правда было вполне прилично. Я для порядка смахнула пыль со стола, выровняла папки, набитые старыми газетами – дядя Вася держит их для солидности, чтобы произвести впечатление на клиентов, и тут прозвенел дверной звонок.

Дядя Вася мигом уселся за стол и сделал самое свое серьезное выражение лица. Я не спеша пошла открывать.

В свое время дядя Вася говорил мне, что в работе детектива важен каждый факт, даже незначительный на первый взгляд. Нужно уметь наблюдать и фиксировать в памяти любую мелочь. Умение это оттачивается годами, утверждал дядя Вася, нельзя об этом забывать, нужно все время тренировать память. Первое впечатление о человеке не самое верное, но очень важное.

Я открыла дверь, не спрашивая, потому что поняла по звонку, что за дверью стоит наша клиентка. Звонок был неуверенный и какой-то дребезжащий, как будто у звонившего человека дрожали руки.

На пороге стояла женщина. Дядя Вася правильно определил – молодая и довольно симпатичная блондинка. Он, конечно, не мог по телефону видеть, что женщина еще и обеспеченная, потому что одета она была очень дорого и со вкусом. Но как-то небрежно – кожаная курточка едва застегнута, шарфик развязался.

– Здравствуйте, – проговорила женщина приятным мелодичным голосом, – я к детективу Куликову.

И улыбнулась чуть-чуть, так что в глазах на миг исчезла озабоченность.

– Проходите, пожалуйста. – Я тоже улыбнулась и показала рукой, куда пройти.

Она бросила сумку на старый пуфик в прихожей и пошла в комнату, не взглянув на себя в зеркало.

Я покачала головой – сразу видно, что дама хоть и обеспеченная, но не деловая. Какая женщина оставит в незнакомом месте сумку без присмотра? Да еще такую дорогую... Мало ли что к детективу пришла, а может, мы жулики? Нет уж, теперь женщины все ученые – все мое ношу с собой. В офисе, в поезде, в самолете, в ресторане – если куда нужно выйти – только с сумкой. В офисе, конечно, все свои, но мало ли кто посторонний зайдет? За всеми же не усмотришь. В парикмахерской, опять же, девочки-мастера не возьмут, им незачем, но за клиентов-то они ответственность не несут. Сумку, может, и не тронут, так кошелек вытащат, телефон мобильный, документы, опять же... Нет уж, спокойнее сумку при себе держать. Или в пределах видимости.

Но наша клиентка так не сделала. И это говорит только о том, что она привыкла к безопасности и комфорту. На общественном транспорте она, разумеется, не ездит, в душном офисе не сидит, салоны красоты и рестораны посещает только очень дорогие, где вымуштрованные секьюрити неусыпно бдят на входе. Что-то мне подсказывает, она и на машине-то одна не ездит, только с личным водителем, который по совместительству охранник.

Я взяла сумку и пошла следом за взволнованной клиенткой в кабинет шефа.

По моему настоянию дядя Вася выбросил наконец старое кресло с продавленными пружинами и купил пару крепких стульев с прямой жесткой спинкой.

Дядя Вася предложил даме сесть и оглядел ее одобрительно. Вот скажите, отчего мужчины предпочитают блондинок? Хотя у меня от природы тоже светлые волосы, но отчего-то никто не смотрит на меня таким взглядом. Ни один мужчина, даже Лешка Творогов, не накрывает меня взглядом, как теплым пуховым одеялом, на лице ни у кого из знакомых мужчин не написана готовность помочь мне в любом деле и поддержать. Причем не только в трудную минуту, а просто так. Поддержать, даже если я вполне могу без этого обойтись.

Впрочем, что это я? Это именно я вполне смогу кое в каких случаях обойтись без посторонней помощи, а она, эта леди, что сидит передо мной, никак не может. Вид у нее такой... не то что беспомощный, а хрупкий какой-то.

– Давайте познакомимся, – начал дядя Вася, и меня едва не покорило от его покровительственной интонации. Возникло такое чувство, будто он обращается к неразумному маленькому ребенку, – меня зовут Василий Макарович Куликов, а вас?

– Это обязательно? – спросила клиентка и слабо улыбнулась.

Я почти физически почувствовала, что дядя Вася от этой улыбки дал слабину и может согласиться на анонимность. Хотя он же сам установил незыблемое правило: клиент обязан предъявить нам паспорт или другое удостоверение личности. В противном случае можно на такие неприятности нарваться...

– Обязательно, – твердо сказала я, протягивая клиентке сумку, – если у вас нет документа, удостоверяющего личность, мы простимся прямо сейчас.

Я очень удивилась, но клиентка достала из сумочки паспорт. Звали ее Натальей Викторовной Балабановой, лет ей было двадцать семь, как и мне, и уже три года она была замужем за Балабановым Антоном Петровичем.

– Ну, так какое у вас ко мне дело? – осведомился дядя Вася, внимательно проглядев документ.

– Дело довольно простое, – сказала Наталья Викторовна, причем было ясно, что она старается унять дрожь в голосе, – собственно, это не дело, а небольшое поручение. Мне нужно, чтобы вы забрали из машины, стоящей в подземном гараже, одну вещь.

– Так... – сказал дядя Вася, – и чья же это вещь?

– И чья же это машина? – добавила я.

Блондинка перевела на меня свои темно-голубые глаза.

Если быть честной, то полной душой она не выглядела. Больше скажу – этот взгляд не был ею отрепетирован перед зеркалом, она действительно чувствовала себя беспомощной и растерянной в необычной ситуации.

Но я-то не блондинка. То есть блондинка, но не типичная, во всяком случае, надеюсь, что это так. И вообще, глупость блондинок мужчины сильно преувеличивают. Хотя попадаются экземпляры... но эта не из их числа.

– Наталья Викторовна, – начал дядя Вася проникновенным голосом, – вы только поймите меня правильно. Я, конечно, готов вам помочь, это, в конце концов, моя работа, но должен знать суть дела, а также нет ли в этом деле криминала.

Меня слегка покорило это его «я». Вроде бы мы принимаем клиента вдвоем, а он меня даже не представил... Будто меня и в комнате нету...

– Криминала нету! – Клиентка повернулась к нему и прижала руки к груди. – Криминала никакого, я ручаюсь!

– Верю, – улыбнулся дядя Вася, – но все же хотелось бы узнать поподробнее, чья это вещь.

– Это... мои часы. Золотые, швейцарские, фирмы «Лонжин». Браслет тоже золотой, а сзади на крышке гравировка «Тате от Тоши». Это подарок мужа на прошлый мой день рождения.

«Неслабо! – подумала я. – Кто бы мне подарил на день рождения золотые часики! Необязательно фирмы «Лонжин», можно и попроще, я человек простой и не гордый...»

Я немедленно себя приструнила. Не время сейчас давать волю зависти, я же на работе. И должна относиться к клиентке непредвзято.

– И? – Дядя Вася смягчил улыбкой свою настойчивость. – Как же они оказались в чужой машине?

Все правильно, машина явно чужая. Ведь если бы машина была ее собственная, блондинка нашла бы силы, чтобы преодолеть свою робость и забрала бы часы сама.

– Это машина моего... знакомого... – клиентка замялась, и я тотчас поняла, что она долго выбирала подходящее слово.

Сказать «любовник» – неудобно, «друг» – двусмысленно, приятель – тоже не то. А вот «знакомый» – ни к чему не обязывает. Только кого она хочет обмануть? Ясно, что она потеряла часики в машине своего любовника. А утром хватилась пропажи и поняла, что нужно вернуть часы поскорее. Муж спросит – а где мой подарочек? Или в той машине кто-нибудь найдет, может, у ее хахаля жена ревнивая. Только вот отчего он сам не может привезти своей милой часы?

– Вы уверены, что забыли часы в машине? – осторожно спросила я, за что получила сердитый взгляд от дяди Васи – не лезь, мол, я с клиенткой разговариваю.

– Да, – ответила клиентка, – мы были в кафе, перед отходом я смотрела на часы, они были на месте... Игорь подвез меня до дома, вечером я не хватилась, но утром обнаружила, что часов нету. А там на браслете такой замочек слабый...

Дядя Вася помрачнел – он-то, конечно, подумал, что клиентка обжималась в машине с этим Игорем, вот часы и свалились. И что такого? Дело-то житейское. Но мне отчего-то кажется, что эта блондинка не станет тискаться в машине. Не тот типаж. Мужчина, который хочет иметь с ней дело, уж верно озаботится снять приличную квартиру, если есть деньги, это не проблема.

– Вы согласны? – спросила клиентка, собрав остатки твердости. – Или мне найти кого-то другого?

– Согласен, – ответил дядя Вася, подумав всего минутку, – скажите подробное местоположение машины и... у вас есть ключи?

– Вот они, – Наталья Викторовна достала из сумки ключи и подала их мне.

Принимая ключи, я поглядела на нее так выразительно, что даже до блондинки все дошло.

– Понимаете, в этом нет ничего такого, – сказала она, – в принципе я могла бы подождать... Но Игорь сегодня рано утром улетел в командировку на три дня...

– И вы боитесь, что его жена найдет ваши часы в его машине, – закончила я, – в принципе вы ни в чем не виноваты, но ей придется как-то объяснить этот факт.

– Да, – она опустила глаза и слегка покраснела, – у них не очень хорошие отношения, я не хочу усугублять...

Отчего-то я поверила, что не спала она с этим Игорем. Не спала и не собиралась этого делать.

– Не волнуйтесь, все сделаем... – ободряюще улыбнулась я.

– Прямо сейчас и займемся, – добавил дядя Вася.

– Только, наверное, это нужно сделать вам, – клиентка указала на меня, – понимаете, там подземный гараж, дом хороший, элитный, охрана на входе...

Все ясно, дядя Вася никак не сможет сойти за жителя элитного дома, охрана может его не пропустить, начнет расспрашивать. Я поглядела на своего начальника с легким злорадством – вот, не будешь пренебрегать сотрудниками!

Если дядя Вася и обиделся, то вида не показал, все же он профессионал. Раз так нужно для дела – стало быть, пойду я.

Мы условились встретиться через три часа в небольшом кафе на Австрийской площади, клиентка сказала, что она живет близко и ей удобно пешком дойти, потому что не хочет посвящать водителя в свои проблемы.

Я правильно угадала, сама она машину не водит – ей это совершенно ни к чему.

Василий Макарович остановил свою машину в квартале от нужного места: возле самого дома, среди дорогих новых иномарок его машина была бы слишком заметна, она бросалась бы в глаза, как облезлая дворняжка на выставке породистых собак.

– Главное, держись уверенно и спокойно! – напутствовал меня дядя Вася. – Охранники чувствуют неуверенность...

– Да не беспокойтесь, что мне, первый раз! – отмахнулась я и уверенно зашагала к дому, который указала нам клиентка.

Действительно, задание было – проще некуда. Зайти в подземный паркинг, найти нужную машину, открыть ее, найти часы и вернуться. Всей работы на двадцать минут, от силы на полчаса, а заказчица платит за это вполне приличные деньги...

Вот именно, она заплатила деньги сразу, причем сумма была как за три дня работы. Хорошо, что я выскочила вперед дяди Васи и заломила несусветную цену. Он поглядел на меня удивленно и впал в еще большее изумление, когда клиентка согласилась заплатить без возражений.

И вот сейчас где-то в самой глубине моего сознания промелькнула неприятная мысль, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но я отбросила эту мысль как несвоевременную и несущественную и прибавила шаг.

В прозрачной будочке перед входом в подземный паркинг сидел пожилой охранник. У него были длинные обвисшие усы и круглые выпученные глаза, отчего он был похож на крупного задумчивого сома, а будочка явно напоминала аквариум.

Возле открытой двери будочки стояла, опершись на метлу, темноволосая дворничиха. Она разговаривала с охранником о каких-то своих животрепещущих проблемах.

– Василь Василич этого так не оставит, – говорила она убежденно, – он не такой человек, чтобы спустить на тормозах...

– Не такой! – согласился с ней вислоусый охранник и прикрыл свои круглые глаза, отчего еще больше стал похож на сома. – Василь Василичу палец в рот не клади – откусит!

– Но и Сан Саныч тоже не промах... – засомневалась дворничиха. – Так что еще неизвестно...

Я поравнялась с будочкой, придала себе еще более уверенный и независимый вид и прошла мимо, не прибавляя шаг.

Охранник скользнул по мне невидящим взглядом и проговорил с печальной интонацией:

– Ох, твоя правда, Любовь Никитична – Сан Саныч не промах! Так что я прямо и не знаю, как все обернется! Это, Любовь Никитична, просто коса на камень...

– Главное, чтобы отходы вовремя вывозили! – подвела дворничиха черту под увлекательной дискуссией.

Ответ охранника я не расслышала, потому что свернула за угол и оказалась перед лифтом.

Госпожа Балабанова очень подробно описала мне месторасположение машины Игоря, так что по инструкции я спустилась на два этажа вниз и вышла в широкий коридор, пологой спиралью поднимающийся наверх и плотно заставленный машинами.

Машины были дорогие и приличные – «Лексусы», «Мерседесы», «Инфинити», «Ягуары», внушительные джипы и элегантные дамские автомобили.

Я шла вдоль этого ряда, разглядывая чужие машины и разыскивая среди них ту единственную, ради которой я сюда пришла.

«Мазда», о которой говорила заказчица, стояла на парковочном месте под номером семьдесят восемь. Элегантная темно-красная машина, новенькая и чистая, как будто только что из мойки, примостилась на свободном месте между зеленой «Тойотой Камри» и темно-синим «Фольксвагеном».

Я огляделась по сторонам, перевела дыхание и достала из сумочки брелок с ключами.

Пока все шло как нельзя лучше, однако внезапно у меня в душе шевельнулось какое-то смутное беспокойство. То ли настораживала сама атмосфера подземного гаража, то ли дала себя знать сильно развитая интуиция. Дядя Вася говорит, что нужно всегда прислушиваться к собственному внутреннему голосу, так вот в данный момент мой голос посоветовал мне быть осторожнее.

Действительно, безлюдный наклонный коридор паркинга, тускло освещенный редкими лампами «дневного» света, выглядел тревожно и подозрительно, казалось, что за мной следит кто-то невидимый и очень опасный.

В американских триллерах такие подземные гаражи часто становятся местом убийства или ограбления...

Я постаралась отогнать от себя такие неприятные мысли и нажала кнопку на брелоке. Фары «Мазды» приветливо подмигнули, сигнализация подала голос, как собака при виде хозяина.

Все шло хорошо, но смутное беспокойство по-прежнему не покидало меня.

Я подошла к красной машине, открыла переднюю дверцу и села на водительское сиденье. Мягкое сиденье, обтянутое красной кожей, податливо прогнулось подо мной, создавая ощущение комфорта и безопасности. Вот что значит дорогая машина!

Все хорошо, повторила я мысленно, теперь только найти часы, и можно вернуться... Потому что все же как-то нервно. Хозяин машины, конечно, не придет, он в командировке. Но вдруг его жена захочет покататься на его машине? Или появится сосед, который непременно заинтересуется, что делает неизвестная женщина в «Мазде» его хорошего знакомого? Ой, скорей бы уйти!

Где же могут быть эти чертовы часы?

Я нагнулась и осмотрела пол у себя под ногами.

На резиновом коврике не было никаких посторонних предметов. На всякий случай я приподняла его – и там ничего.

Пошарила под соседним, пассажирским, местом – и снова никаких результатов. На всякий случай проверила щель между сиденьем и спинкой, часто туда заваливаются всякие мелочи – но нет, и там не было ничего заслуживающего внимания.

Открыла бардачок – вполне возможно, что хозяин машины нашел часы после ухода Наташи и положил их туда.

Однако в бардачке я нашла только документы, счета, упаковку таблеток от головной боли и небольшую, но увесистую бронзовую сову. Мимоходом я рассмотрела птичку. Явно старинная, бронза потемнела от времени, с одной стороны заляпана фиолетовыми чернилами. Очевидно, совой пользовались в качестве пресс-папье и держателя для бумаг. Зачем хозяин машины возил старинную сову в бардачке, оставалось неясным. Но бронзовая сова – не золотые часы, поэтому я убрала антикварную птичку обратно.

Оставалось проверить заднее сиденье.

Я перегнулась через спинку, взглянула...

И едва сдержалась, чтобы не закричать.

Сзади, на полу машины, лежал человек. И можете мне поверить, человек этот мне сразу не понравился. Точнее, не понравилось, как он лежит...

Сами подумайте, что вы можете почувствовать, если увидите под задним сиденьем дорогой приличной машины мужчину, скорчившегося и глядящего пустыми открытыми глазами прямо на вас?

Я ощутила, как волосы на голове встали дыбом и задергались, как будто меня хватануло электрическим током высокого напряжения. Зубы лязгнули.

Я зажмурила глаза и взмолилась: ну, пусть он исчезнет! Пусть это мне только показалось! Я буду вести себя хорошо, буду вставать по утрам не позже восьми, гулять с Бонни дважды в день – только пусть этот человек исчезнет!

Я снова открыла один глаз, потом другой и осторожно, медленно перегнулась через спинку сиденья...

Нет, ничего не изменилось, человек лежал на том же самом месте.

Ноги его были неловко подогнуты, голова вывернута, глаза широко открыты.

Мужчина лет тридцати с коротко подстриженными светлыми волосами. Нос чуть курносый, оттопыренные уши. Лицо простоватое, но приятное... точнее, оно было бы приятным в других обстоятельствах.

Одна рука была неловко завернута за спину, второй рукой он прикрывал щеку. Я протянула руку, попыталась найти у него пульс, но тут же отпрянула как от огня.

Он оказался холодным, таким холодным, каким не может быть живой человек. Да и поза его никак не годилась для живого человека.

Ну, за что, за что мне это?

Я вспомнила свои недавние предчувствия и запоздало раскаялась, что не прислушалась к ним.

И еще я почувствовала обиду на весь мир: на дядю Васю, который считает, что только он – настоящий детектив, а я – так, девочка на подхвате, причем сам всегда поручает мне наиболее опасные и неприятные задания; обиделась и на заказчицу, которая под видом простого и необременительного задания втравила нас в такую кошмарную историю; и даже на Бонни... Впрочем, это уж точно зря, Бонни здесь совершенно ни при чем.

Но какова эта самая Наталья Викторовна Балабанова? Милая такая, робкая блондиночка, вежливая, денег заплатила сколько мы сказали, не торгуясь! Еще бы ей торговаться! Так меня подставила! Часы она потеряла, видите ли, когда прощалась с добрым знакомым! Убила его, вот часы и соскользнули! Оттого сама и побоялась сюда идти! А мы-то с дядей Васей уши развесили!

В общем, поняла я наконец, надо скорее уходить отсюда, пока кто-нибудь не застукал меня в чужой машине рядом с трупом незнакомого мне человека. Удрать отсюда поскорее, постараться незаметно проскользнуть мимо охранника, вернуть заказчице аванс и послать ее подальше вместе с ее часами... Пускай сама разбирается, а наше дело крайнее!

Я тихонько выбралась из «Мазды», закрыла за собой дверь, включила сигнализацию и двинулась в ту сторону, откуда пришла, – к лифту.

И тут услышала звук приближающейся машины.

Кто-то ехал по коридору прямо сюда, ко мне.

Мне вовсе не улыбалось, чтобы меня здесь заметили, и я юркнула за чей-то массивный черный джип.

Из-за поворота показался черный «Лендровер». Он замедлил скорость и начал парковаться чуть дальше злополучной «Мазды». Я поняла, что не смогу незаметно пробраться к лифту, но тут увидела совсем рядом полуоткрытую дверь.

Обычно в таких подземных паркингах, кроме лифта, бывают еще и обычные лестницы, и я решила, что это даже лучше – по крайней мере, по лестнице можно подняться бесшумно.

Я толкнула дверь.

За ней действительно оказалась металлическая лестница, и я тихонько, стараясь не шуметь, двинулась по ней наверх.

Однако, пройдя два или три лестничных марша, я оказалась перед горизонтальным коридором. Лестница кончилась.

Я прошла по этому коридору метров двадцать. Коридор плавно поворачивал, видимо, он огибал паркинг. Передо мной оказалась новая лестничная площадка, но лестница отсюда вела только вниз, на нижние этажи паркинга, откуда я только что прибыла. Кроме этой лестницы, на площадку выходила еще одна дверь. Я подергала за ручку, но дверь оказалась заперта.

Оставалось только снова спуститься по лестнице.

Поскольку выбора у меня все равно не было – я направилась по лестнице вниз, хотя туда мне было совсем не нужно, спускаясь, я удалялась от выхода из подземелья, удалялась от свободы и безопасности.

Пройдя те же три марша, я снова оказалась перед дверью, однако эта дверь не была заперта.

Я тихонько толкнула ее – и снова очутилась в наклонном коридоре паркинга, причем совсем рядом с тем местом, где стояла злополучная «Мазда».

Мне не хотелось больше видеть эту проклятую машину вместе с ее ужасным содержанием, не то что подходить к ней. Однако взгляд так и тянулся к темно-красной машине, как железные опилки притягиваются к магниту.

И вдруг...

И вдруг я заметила, что на полу возле правого переднего колеса «Мазды» что-то блестит.

Забыв о своих страхах, я шагнула вперед, пригляделась, и всякие сомнения отпали: на бетонном полу паркинга лежали золотые дамские часики. Наверняка те самые часики, из-за которых я пришла сегодня в этот паркинг, часики заказчицы.

Как же я не заметила их в первый раз?

Ну да, как раз это вполне понятно: в первый раз я приблизилась к «Мазде» слева, со стороны водительского сиденья, а теперь, поднявшись по лестнице и сделав круг, я вышла с другой стороны и увидела часы.

Преодолев вполне объяснимый страх, я сделала несколько шагов вперед, подошла к «Мазде» и наклонилась за часами.

Сейчас возьму часы, отдам их заказчице и навсегда забуду об этом паркинге, об этой машине и о лежащем в ней трупе... хотя как раз о нем забыть будет довольно трудно, у меня перед глазами так и стоит этот скорченный труп с неловко подогнутыми ногами и полуоткрытыми остановившимися глазами.

Эта мысль пронеслась в моей голове за ту долю секунды, пока я тянулась за часами. В следующую долю секунды я осторожно взяла их двумя пальцами и хотела встать...

Но вдруг на меня всем весом обрушился потолок, перед глазами вспыхнуло ослепительное сияние, и тут же наступила полная, крошечная темнота.

Через какое-то время (может быть, через сто лет, а может – через несколько минут, потому что время для меня остановилось, прекратило свое течение) в окружающей меня крошечной темноте мелькнула тусклая искра света, которая тут же отозвалась в моей голове тупой пульсирующей болью.

Это было ужасно, но вместе с тем... но вместе с этой болью ко мне пришло осознание того факта, что у меня есть голова. Затем я почувствовала боль в затекших руках – значит, руки у меня тоже есть. И, наверное, другие части тела. И вообще, если я испытываю боль, значит, я жива, значит, я существую...

Конечно, хорошо бы вспомнить, кто я такая.

А чуть позже я вспомнила, что зовут меня Василиса Селезнева, что в данный момент я работаю помощницей частного детектива Василия Макаровича Куликова. Вспомнила, как он послал меня в подземный паркинг за часами заказчицы... Вспомнила, как искала эти часы в темно-красной «Мазде», а вместо них обнаружила там труп неизвестного мужчины, убежала оттуда, но не нашла путь к выходу из паркинга и вернулась назад, на то самое место. А потом увидела эти часы на полу, возле колеса, подошла, идиотка этакая, наклонилась за ними – и на этом все кончилось.

Захотелось застонать в голос, дернуть саму себя за волосы и обругать последними словами. Ведь чувствовала же опасность! Ведь поняла уже, что клиентка подставляет нас по полной программе, так какого черта сунулась к машине во второй раз!

Но из горла не вырвался даже слабый хрип, не то что стон или крик.

А еще через секунду я почувствовала ровное покачивание и поняла, что еду в автомашине. Мне пришло в голову открыть глаза и осмотреться, но веки казались чугунными, поднять их было невероятно трудно и хотелось повторить за Виём: «Поднимите мне веки!»

Однако воля человека может многое, если не все, и наконец с большим трудом я разлепила глаза. Свет, хлынувший в них, показался ослепительным, от этого боль в голове усилилась, и я застонала.

– Она приходит в себя, – произнес где-то рядом незнакомый мужской голос.

Кто-то наклонился надо мной, я услышала хриплое дыхание, и пахло от человека кислым табаком и какой-то едой. Я вспомнила уроки дяди Васи – если приходишь в себя в незнакомом месте, не спеши сразу хлопать глазами и издавать звуки, постарайся лежать тихо и вспомнить, что с тобой произошло. Твои враги думают, что ты еще без сознания, и можно услышать кое-что полезное.

А я и тут оказалась не на высоте – сразу стонать стала. Перед глазами маячило светлое овальное пятно, наверное, это было лицо. Я поскорее закрыла глаза и расслабилась – пускай они думают, что я снова провалилась в небытие.

– Может, дать ей еще раз по голове? – спросил тот же мужчина.

– Не стоит, – отозвался другой голос, – потом найдут на трупе следы ударов, а нам это надо? Ничего, не успеет очухаться, мы уже почти подъезжаем!

«Это они о моем трупе говорят, – подумала я, – это я не успею очухаться...»

Я была так слаба, так отвратительно себя чувствовала, что эти ужасные слова не произвели на меня сильного впечатления. Ну, труп так труп. Я и сейчас-то не слишком живая.

Запах кислого табака пропал, стало быть, мой кровожадный наблюдатель отвернулся. Я отважилась приоткрыть один глаз. Ничего полезного я не увидела, только резкий свет бил в мой несчастный глаз.

Я снова прикрыла глаза, чтобы не видеть этого мучительного света, чтобы хоть немного притупить пульсирующую в голове боль, и расслабилась, смирившись с происходящим.

Пусть со мной делают все, что угодно, лишь бы не шевелиться, не думать, не видеть... И снова провалилась в забытие от этой тишины и ровного покачивания машины.

Я не знаю, сколько прошло времени, вероятно, не так много. Я очнулась оттого, что машина остановилась. Я прислушалась к себе: голова болела, но не так сильно, как в прошлый раз. В остальном самочувствие осталось прежним, то есть отвратительным. Куда меня привезли? И что со мной теперь сделают?

Машина мягко качнулась, хлопнули дверцы, потянуло свежим воздухом, из чего я сделала вывод, что нахожусь за городом или возле воды. Меня схватили грубые жесткие руки и выволокли наружу. Я вдохнула полной грудью холодный воздух, стало немного легче. Если попробовать пошевелиться, как бы снова по голове не звезданули. Кто-то остановился возле меня и пнул ногой.

– Все, приехали! – сказал первый голос, тот, что предлагал меня стукнуть в машине.

– Не трогай ее, а то очухается, еще орать начнет! – предупредил второй. – Давай уже кончать с этим делом.

Я забеспокоилась – что это они собираются делать?

Снова меня схватили грубые руки и впихнули в машину на переднее сиденье. Усадили, как куклу, как манекен, да еще кто-то из злодеев дернул за волосы, чтобы голова не клонилась на сторону. Боль взорвалась в голове, я не удержалась от стоны, но на этот раз мой стон никого не интересовал. Дверцы машины хлопнули.

– Прощевайте, голубки! – злорадно сказал тот, первый голос, и машину толкнули сзади.

Я повернулась и увидела, что к стеклу прилипла мерзкая физиономия. Мужчина был бледен, длинные светлые волосы болтались по плечам, белесых бровей почти не было видно. Он растянул в дурашливой улыбке рот и положил на заднее стекло руки с растопыренными пальцами. Внезапно обретя четкость видения, я заметила, что на левом мизинце не хватает фаланги.

Он мерзко ухмыльнулся и сказал еще что-то, четко артикулируя. Я видела, как шевелятся его губы, но уши внезапно заложило, как будто туда напихали грязной ваты.

Машину снова сильно толкнули, и она покатилась – сначала совсем медленно, потом быстрее, быстрее и быстрее...

Затем раздался грохот удара, машина резко накренилась и куда-то полетела.

Я малодушно подумала, что наконец все кончится – страх, мысли, боль – и я обрету наконец покой.

Но покой не приходил, а потом пришло новое и очень сильное ощущение – ледяной пронизывающий холод.

И от этого холода я окончательно пришла в себя.

Я действительно находилась в машине, сидела на переднем пассажирском сиденье, пристегнутая ремнем.

Машина была знакомая – по красно-черным кожаным сиденьям я узнала «Мазду», в которой искала часы заказчицы.

Эта машина медленно погружалась в темную осеннюю воду. Вода стремительными струями вливалась в салон машины из всех щелей и просветов, и чем быстрее она заполняла салон, тем быстрее машина погружалась в воду.

Вода уже поднялась до колен... до пояса...

Именно эта ледяная вода привела меня в чувство.

Я потянулась к ручке двери, попыталась ее открыть. Конечно, при этом машина мгновенно наполнится водой, но я смогу вырваться из нее, выплыть...

Однако не тут-то было: дверная ручка не поддавалась, она была заблокирована.

Я попыталась опустить стекло – и снова безрезультатно. Ну да, тем, кто запер меня в этой машине, вовсе не хотелось, чтобы я выплыла. Они не оставили мне ни малейшего шанса.

Меня охватил ледяной, темный ужас – такой же темный и холодный, как осенняя вода, в которую погружалась машина.

Вдруг боковым зрением я заметила, что рядом со мной кто-то сидит.

Я повернула голову, застонав от боли, и увидела на водительском сиденье мужчину. Он смотрел прямо перед собой, ни на что не реагируя и ничего не предпринимая, как будто его ничуть не волновало, что наша машина уходит под воду.

И тут я его узнала.

Русые, коротко подстриженные волосы, немного вздернутый нос, оттопыренные уши. Это был тот самый мужчина, которого я видела на заднем сиденье «Мазды» с нелепо подогнутыми ногами и неловко повернутой головой.

Его усадили на водительское место и пристегнули ремнем безопасности, только поэтому он сохраняет вертикальное положение, не падая на пол машины.

Значит, на его помощь можно не рассчитывать.

Вот так всегда с мужчинами – когда их помощь особенно нужна, они оказываются больными, занятыми собственными делами или, в конце концов, мертвыми. А значит, рассчитывать приходится только на свои собственные силы.

Тем временем машина уже полностью ушла под воду.

В салоне стало гораздо темнее, свет в нем стал зеленоватым и каким-то призрачным. Ну да, ведь мне скоро предстоит стать утопленницей, русалкой, а их всегда изображают с зелеными лицами и зелеными волосами, в которые вплетены водоросли...

Вода поднялась уже к самому подбородку, стало тяжело дышать.

Я заколотила кулаками по лобовому стеклу – но с таким же успехом можно было пытаться пробить танковую броню метелочкой для сметания пыли.

Воздуха в салоне оставалось все меньше и меньше.

Истерический всплеск активности сменился апатией.

Холод сковал все мое тело, он проник в самое сердце, в мозг. Я почувствовала безразличие ко всему. Еще несколько минут – и я умру. Значит, так и надо, значит, я недостойна ничего другого. Семьи у меня нет, и обо мне никто не станет горевать – разве что дядя Вася и Бонни.

Дядя Вася... он отправил меня на такое опасное задание и даже не подумал о подстраховке, не подумал, чем все это может обернуться. Значит, ему на меня наплевать.

Но Бонни...

Бонни меня действительно любит, он будет горевать очень долго, может быть, всю жизнь!

И кто с ним будет гулять, кто станет кормить его вредными деликатесами, а учить его хорошим манерам?

Апатия отступила, во мне снова пробудилась жажда жизни. Однако одной жажды слишком мало – нужно еще кое-что, чтобы выбраться из наглухо закрытой машины, быстро опускающейся в речную глубину. Я не хочу, не хочу умирать! Да еще так глупо... Господи, помоги мне!

И тут я внезапно вспомнила, что, пока искала в машине часы заказчицы, открыла бардачок и увидела в нем тяжелую бронзовую статуэтку, сову с круглыми пристальными глазами... Не то пресс-папье, не то бумагодержатель...

В последней надежде я дернула крышку бардачка, вытащила бронзовую сову и изо всех сил ударила статуэткой по боковому стеклу.

Тяжелая темная вода смягчила удар, и стекло устояло. Я отстегнула ремень безопасности, которым эти гады пристегнули меня нарочно. Теперь удобнее было замахнуться.

Я снова ударила по стеклу, вложив в этот удар все свое отчаяние, все желание жить.

На этот раз по стеклу побежали змеящиеся трещины.

Я билa снова и снова, в одно и то же место...

Вода поднялась до самого потолка салона. Я едва успела последний раз глотнуть воздуха и снова обрушила бронзовую сову на стекло.

Последние пузырьки воздуха вырвались на поверхность, и машина коснулась колесами речного дна. В глазах у меня начало темнеть. Я едва удерживалась, чтобы не втянуть в себя холодную воду, пахнущую тиной. Надежда на спасение стремительно уходила.

И тут стекло не выдержало, оно не раскололось, а расплозлось на мутные дробящиеся куски и вывалилось наружу, в темную придонную синеву.

Задышавшись, я с трудом протиснулась в образовавшийся проем, оттолкнулась ногами от машины и рванулась вверх – к свету, к воздуху, к жизни.

Темная вода не хотела выпускать меня, она уплотнилась, замедляя каждое мое движение, как это бывает во сне. Ее тяжелый холод сковывал меня, сжимал мое сердце смертной судорогой. В глазах темнело, легкие разрывались от боли...

Но тело из последних сил сопротивлялось, руки гребли, пытаясь вытащить, вытолкнуть меня из ледяного плена.

И вдруг, когда я уже почти утратила надежду, толща воды разорвалась, и я выпрыгнула из нее, как летучая рыба.

Я тут же упала обратно, погрузилась с головой – но за ту долю секунды, что пробыла на поверхности, я успела сделать жадный, судорожный вдох, и сознание мое начало проясняться.

Я снова сделала несколько сильных движений руками и окончательно выплыла на поверхность.

Было страшно холодно, руки и ноги едва подчинялись мне, но я могла дышать, дышать! И это оказалось таким счастьем!

Раньше, бывало, я огорчалась по самым пустым, ничтожным поводам, меня выводило из себя человеческое хамство или глупость, я могла расстроиться из-за испорченной блузки или подгоревших котлет – какая же я была дура! Я могла дышать – а по сравнению с этим все мои мелкие расстройства ничего не стоят!

Однако нужно торопиться. Намокшая одежда тянула вниз, особенно мешали ботинки. Казалось бы, такие симпатичные ботиночки на каблучке, так мне нравились, а вот теперь так мешают. Плаваю я хорошо, но в такой амуниции долго не продержжусь.

Приподняв голову, я огляделась.

Я плыла по одному из узких протоков, на которые делится Нева перед впадением в Финский залив. С одной стороны проток ограждала металлическая балюстрада, и в ней зиял широкий пролом – видимо, именно в этом месте «Мазда» врезалась в ограждение и рухнула в воду.

С другой стороны берег был ничем не огорожен, и его пологий склон, заросший осенней травой, спускался к самой воде.

Туда-то я и поплыла из последних сил.

На это имелось несколько причин: во-первых, на пологий склон гораздо легче взобраться. Во-вторых, с той стороны, откуда сорвалась в воду машина, меня вполне могли караулить те люди, которые устроили мне такие ужасные похороны.

Но все эти причины я осознала гораздо позднее, в тот момент решение принималось на подсознательном уровне.

До берега было совсем недалеко, но и силы мои были на исходе. Я снова начала тонуть... но, к счастью, здесь было уже неглубоко, и я почувствовала под ногами твердую землю.

Шатаясь, едва держась на ногах, я выбралась на берег и тут же упала без сил.

Меня начала бить крупная дрожь – то ли от пережитого ужаса, то ли от усталости, то ли от холода, то ли от всего вместе.

Как все-таки устроен человек: только что я мечтала о глотке воздуха, потом – о твердой земле под ногами, теперь у меня было и то и другое, а мне снова было плохо. Теперь я умирала от холода, а ноги не держали меня от слабости.

Я попыталась ползти – но и на это не было сил.

Перед глазами у меня раскачивалась какая-то блеклая увядшая травинка, упорно не желавшая смириться с наступлением осени. Я прикрыла глаза и подумала, что отдохну немного... совсем немного... буквально совсем чуточку...

Мысли начали путаться, перед внутренним взором поплыли разноцветные круги и пятна, я начала засыпать.

Где-то в глубине сознания мелькнула смутная мысль, что если я усну в мокрой одежде на холодной земле, то либо вовсе не проснусь, либо заработаю тяжелое воспаление легких.

Но я отодвинула эту мысль еще дальше, как несущественную и несвоевременную, и погрузилась в теплую темную реку сна.

И вдруг что-то или кто-то выдернул меня на поверхность.

Я почувствовала пронизывающий холод, услышала негромкое ворчание, пыхтение, глухое фыркание и, еще не открывая глаз, недовольно проговорила:

– Бонни, паршивец, ну дай же мне поспать! Еще хотя бы полчаса! Мы обязательно погуляем, только чуть позже... и немедленно отдай одеяло, холодно же!

Но ворчание продолжалось, в дополнение к этому мне в лицо ткнулось что-то холодное и мокрое.

Впрочем, не мне бы говорить – я сама была такой холодной и мокрой, как настоящая утопленница... утопленница, которой я только что едва не стала...

Я вспомнила, как выбиралась из тонущей машины, как потом, задыхаясь, всплывала на поверхность, как плыла к берегу, – и окончательно проснулась.

Мне в лицо тыкался холодный собачий нос.

Но это, разумеется, был не Бонни, а какая-то совсем незнакомая собачонка, отдаленно напоминающая лайку.

Собачонка снова ткнулась носом в мою щеку и негромко чихнула.

Тут же где-то рядом раздался недовольный голос:

– Найда, что ты там нашла? Небось опять крысу? Сколько тебе говорил, не тащи всякую дрянь...

Я слышала шорох кустов, шаги, и тот же голос прозвучал совсем близко:

– Вот те нате, лещ в томате! Это кто же здесь отдыхает?

Я попыталась что-то проговорить в ответ, но вместо слов смогла издать только глухой стон.

– Да ты никак живая? – удивленно проговорил незнакомец и наклонился надо мной.

Я увидела широкую красную физиономию, обрамленную квадратной шкиперской бородой, и снова застонала.

– И правда, живая! – констатировал бородач и добавил: – Но это ненадолго, если ты сейчас же не согреешься. Ну-ка, девонька, поднимайся!

Он наклонился еще ниже и подхватил меня под мышки.

– Не могу... – пробормотала я едва слышно.

Однако он меня расслышал и ответил строго:

– Можешь, если жить хочешь! Мне одному тебя не дотащить, и тебе надо шевелиться, чтобы не замерзнуть!

Я что-то недовольно проворчала, но все же собрала остатки сил и попыталась встать. Совместными усилиями мы сумели придать моему непослушному телу вертикальное положение, и я поплелась в неизвестном направлении, опираясь на плечо brutального незнакомца.

Через две минуты, когда силы снова оставили меня и я решила, что не смогу больше сделать ни шагу, перед нами появился небольшой костерок, разведенный в окруженной кустами ложбинке.

– Ну вот, девонька, теперь раздевайся и грейся! – скомандовал мой спаситель.

– Раздеваться? – переспросила я удивленно, подозрительно покосившись на него. – Как это раздеваться? Зачем раздеваться?

Действительно, может, он маньяк! Место глухое, безлюдное, неизвестно, что у него на уме...

– Раздевайся, если не хочешь заболеть! – повторил он настойчиво. – Сушить на себе мокрую одежду – это последнее дело!

– Я... я стесняюсь, – проговорила я неуверенно.

– Вот те нате, лещ в томате! – усмехнулся дядька. – Ну, если стесняешься – это хорошо, значит, будешь жить. Покойники – они уже ничего не стесняются!

Он посерьезнел и добавил, поднимаясь:

– Ты если чего думаешь – так зря, нам с Найдой ты не больно-то нужна. На вот, когда разденешься – накинь это... – Он бросил мне ватник с продранными локтями и вязаный шарф неопределенного цвета, свистнул собаке и отошел от костра.

Я проводила его взглядом и быстро стащила с себя мокрую одежду.

Стащив через голову мокрый свитер, я удивленно уставилась на свою левую руку.

Вместо моих простеньких часиков на запястье были надеты очень красивые золотые часы.

Те самые часы, которые я нашла на полу паркинга рядом с темно-красной «Маздой».

Часы, за которыми меня послала заказчица. Часы, из-за которых я чуть не отправилась на тот свет.

Что это значит? Как эти часы оказались на моей руке? Ведь я их точно не надевала...

В голове у меня мелькнула какая-то мысль, но я вздрогнула от холода – и эта мысль, вильнув хвостом, уплыла в глубину подсознания.

А я осознала, что стою почти голая на осеннем ветру, и потянулась за ватником, который оставил мне мой спаситель.

Этот ватник был ужасно заношенный и грязный, но сухой и теплый, и я вошла в него, стараясь не думать, кто носил его до меня, и замоталась поверх него шарфом, обернув конец шарфа вокруг головы. Ватник был велик мне на пять размеров, но в нем было тепло, особенно когда я села к костру и протянула к нему руки.

Меня снова начало колотить, но это была уже остаточная дрожь – так выходил из меня накопившийся в организме холод.

– Ну, переделась? – раздался за моей спиной голос бородача. – Теперь вот на, выпей!

С этими словами он протянул мне квадратную бутылку мутно-зеленого стекла, заткнутую бумажной пробкой.

– Это что такое? – спросила я подозрительно.

– Лекарство! – Он вытащил пробку и вложил бутылку в мои руки. – Ты пей, пей, не сомневайся!

Я с недоверием поднесла горлышко к губам, осторожно глотнула...

И чуть не задохнулась. Мой рот, горло, пищевод обожгло жидким пламенем. Однако через секунду пламя превратилось в ровное тепло, которое побежало по всему моему телу, выгоняя из него холод и мутную темноту осенней реки, едва не ставшей моей могилой.

– Ну-ка, еще глоточек... – проговорил бородатый дядька и наклонил бутылку.

Я невольно сделала еще один глоток и снова обожглась, но на этот раз почувствовала неприятный сивушный привкус мутного пойла и отстранилась, проговорив:

– Фу, какая гадость!..

– На то оно и лекарство! Лекарство, оно и не должно быть вкусным! – наставительно ответил дядька и добавил: – Ну, тебе хватит, а то запьянеешь, песни горланить станешь, ко мне вязаться, безобразия нарушать!..

– Ну уж, вязаться! – хихикнула я и впервые внимательно взглянула на своего спасителя.

Это был коренастый дядька лет шестидесяти, в свитере грубой вязки и поношенных джинсах. Шкиперскую бородку и красное обветренное лицо я уже упоминала.

Дядька развесил мою мокрую одежду на кольях вокруг костра и уселся рядом со мной на перевернутый ящик.

– Ну, – проговорил после недолгого молчания, – давай, что ли, познакомимся. Меня зовут дядя Коля, а для самых близких людей – Лещ в томате. Ну, ты можешь меня называть как тебе больше нравится. С Найдой ты уже познакомилась...

– А я – Васи... Василиса! – представилась я в ответ слегка заплетающимся языком.

– Василиса? – переспросил дядя Коля. – А что, хорошее имя! Во всяком случае, редкое. И не из этих, новомодных. А скажи мне, Василиса, как ты в реку-то угодила?

Мне совершенно не хотелось рассказывать этому странному дядьке о своих приключениях. Я облизала губы и проговорила, все еще слегка запинаясь:

– Сва... свали... свалилась. Шла по бережку – и бултых... и потом буль-буль, еле выплыла...

Вдруг у меня в голове всплыла старая песня, которую я от кого-то слышала в детстве. Я пригорюнилась, подперла щеку кулаком и затянула дурным голосом:

– Шел отряд по бережку, шел издалека... шел под красным знаменем командир полка...

Дальше слова вылетели из моей памяти.

– Да, – вздохнул дядя Коля. – Песни уже горланишь... наверное, второй глоток лишний был.

– Ни... ничего не лишний! – возразила я, слегка заикаясь. – Я... я еще могу! Я трезвая! – И для большей убедительности попыталась встать. Попытка, впрочем, не увенчалась успехом. Впрочем, моей вины в этом не было – просто земля, кусты, костер и дядя Коля внезапно закачались и поплыли по кругу, как на карусели, а в таких условиях кто угодно не сумеет встать.

– Сиди уж! – усмехнулся дядя Коля. – Ишь, расхрабрилась! Еще сломаешь себе что-нибудь...

Он задумчиво посмотрел в костер и добавил:

– По бережку, значит, шла? А в машине, которая с того бережка сверзилась, значит, не ты сидела?

– Так вы видели? – спросила я, слегка протрезвев. – А если видели, чего же тогда спрашиваете? Вот я, например, вас не спрашиваю, кто вы такой и что здесь со своей Найдой делаете!..

– Если не хочешь говорить – не говори. – Дядя Коля пожал плечами. – А лично нам с Найдой скрывать нечего, мы тут с ней рыбку ловим, окушков да плотву. – Он показал на котелок, кипящий над костром. – Кстати, скоро уха будет готова...

Он достал из рюкзака ложку, попробовал варево, кипящее в котелке, и добавил в него перца и лаврового листа. Потом повернулся ко мне и проговорил:

– Только, девонька, ты мне скажи – в машине вас вроде двое было, а выплыла ты одна...

Я снова вспомнила весь пережитый ужас, вспомнила труп на соседнем сиденье, и в глазах у меня потемнело.

Вдруг у меня за спиной раздвинулись кусты, и до боли знакомый голос проговорил:

– Мужики, вы тут давно сидите? Не видели случайно, как машина с того берега в воду вылетела?

– Ничего не видели! – быстро ответил мой бородатый спаситель. – А ты, товарищ, почему, собственно, интересуешься? Ходят тут всякие, вопросы задают...

– Это не всякие! – воскликнула я, поднимаясь на ноги и поворачиваясь. – Это мой дядя Вася!

Правда, при этом голова у меня снова закружилась и полянка вокруг костра закачалась, как палуба корабля, но я все же успела разглядеть моего любимого шефа, который с расстроенным и озабоченным видом выглядывал из-за кустов.

Дядя Вася усталился на меня и протер кулаками глаза.

Только тут я сообразила, как выгляжу – в длинном продранном ватнике, надетом практически на голое тело, с головой, обмотанной полосатым шарфом на манер бедуинского тюрбана... немудрено, что дядя Вася меня не сразу узнал.

– Василиса! – воскликнул он после затянувшейся паузы. – Это ты, что ли?

Он подбежал ко мне, схватил за плечи, встряхнул, отступил и усталился на меня, как на чудо природы, словно никак не мог поверить, что это действительно я.

– Это ты?! – повторил он дрожащим голосом.

– Нет, не я, – проговорила я насмешливо. – Это мой призрак! Сама я утонула и теплыми майскими ночами буду выходить на берег и заманивать в воду легкомысленных прохожих!..

Конечно, я понимала, что дело вовсе не шуточное, и видела, что дядя Вася от волнения стал белым как мел, но какой-то бесенок подзуживал меня, да выпитое зелье делало свое дело.

– Шутишь, да?! – возмутился дядя Вася и опустил на ящик, видимо, от перенесенного потрясения у него подогнулись ноги. – Я уж и правда думал, что ты утонула! Представляешь, что я пережил?!

– Да?! – воскликнула я. – Это, оказывается, вы много пережили? А я так, груши околачивала! Да я десять раз была на волосок от гибели! И все из-за этой заразы заказчицы!

– Подожди, тезка... – дядя Вася выразительно взглянул на бородатого рыболова. – Мы тут не одни, а дело того... конфиденциальное! Расскажешь мне все попозже...

– Ну, раз ты, мужик, свой, – перебил его рыболов, – раз ты свой, прошу к столу, у меня уха как раз сварилась.

Он достал из своего бездонного рюкзака три алюминиевые миски, три ложки и показал на ящики вокруг костра:

– Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!

Уха у него оказалась на редкость душистой и ароматной, впрочем, после пережитых приключений я, наверное, съела бы даже картонный гамбургер. Я в две секунды слопала свою порцию и с благодарностью согласилась на добавку. Дядя Вася тоже ел да похваливал. Правда, когда наш новый знакомый достал свою заветную бутылку и предложил выпить за знакомство, дядя Вася покачал головой и пояснил, что не может пить, поскольку за рулем.

– Мне бы и надо, стресс снять, да никак нельзя, гаишники сейчас за этим делом очень следят!

Впрочем, он порозовел и выглядел намного лучше, чем в первый момент, – видно, отдышался, да и уха пришлась кстати.

– Правильно, – одобрила я, оторвавшись от ухи. – Не пейте, это такое снадобье – дух вышибает!

– А ты, значит, уже в курсе? – усмехнулся дядя Вася и исподлобья взглянул на рыболова. – Что, спаиваешь девушек?

– Да ты что?! – возмутился тот. – Ей обязательно нужно было выпить, иначе воспаление легких гарантировано! И снадобье у меня самое что ни на есть хорошее, из натурального продукта, двойной перегонки... помню, я года три назад зимой в прорубь провалился, еле выбрался, думал – все, заболею, но выпил сразу своего снадобья – и все как рукой сняло...

Дядя Вася повернулся ко мне и покачал головой:

– Ну и вид у тебя в этом ватнике!

Я засмушалась и встала проверить свою одежду: о том, чтобы выйти в город в моем теперешнем виде, не могло быть и речи.

К счастью, ноги меня уже держали и одежда возле костра почти высохла, только ужасно провоняла дымом.

– Ну-ка, мальчики, отвернитесь! – скомандовала я своим пожилым кавалерам.

Они беспрекословно подчинились, и я торопливо переоделась.

Мы поблагодарили рыболова за своевременную оказанную помощь и пошли к мосту, за которым дядя Вася оставил свою машину.

– Приходите рыбку ловить! – проговорил нам вслед наш новый знакомый.

Едва его костерок скрылся за прибрежными кустами, дядя Вася озабоченно взглянул на меня и спросил:

– Так что же с тобой стряслось, тетка?

Я остановилась, повернулась к нему и проговорила, задыхаясь от возмущения:

– Когда у нас встреча с этой заразой?

– Это ты о ком – о заказчице, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.